

F $\frac{65}{269}$

269

ПОХОДЪ

1859 г.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. А. ИНСАРСКАГО.

МОСКВА.

—
1869.

ИЗЪ

КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. А. ИНСАРСКАГО.

65

269

ПОХОДЪ 1859 ГОДА.

ИЗЪ КАВКАЗСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

В. А. ИНСАРСКАГО.

МОСКВА.

Типогр. Грачева и К., у Пречист. в., д. Шиловой

1868.

ПОХОДЪ 1858 ГОДА

ИЗЪ КЛАССИЧЕСКАГО ВОСПИТАНІЯ

В. А. ИВАНОВА

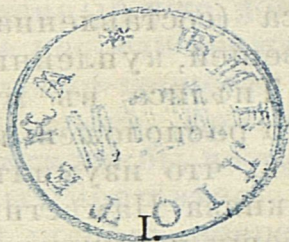
Отдѣльный оттискъ изъ «Русскаго Архива» 1868
№№ 7 и 8.

Дозволено цензурою, Москва 1868 г. Августа 3 дня.

МОСКВА

Тяжеловъ, Г. Г. и сыновья, издатели, въ Москвѣ, у Писахова, въ домѣ Шибанова.

1868

Моя походная канцелярія была сформирована на широкую ногу. Прежде всего въ составъ ея входилъ извѣстный **Θ. Е. Булатовъ** въ качествѣ походнаго казначея (¹), и везъ съ собою сундуки, набитыя серебромъ и золотомъ и такъ называемыми экстраординарными вещами т. е. часами, кольцами, браслетами, оружіемъ и т. п., которыхъ въ казначействѣ Намѣстника всегда хранится значительный запасъ. Разнородныя эти вещи, доставлявшіяся изъ кабинета Государя, предназначались для подарковъ туземцамъ, а такъ какъ во время похода необходимость этихъ подарковъ предстояла въ весьма значительныхъ размѣрахъ, то Булатову и отдано было все что состояло на лицо, да и того оказалось недостаточ-
но.

Способъ доставленія дополнитель-

(¹) Нынѣ Елисаветпольскій губернаторъ.

наго запаса (составленнаго уже на скоро изъ вещей, купленныхъ въ Тифлисѣ) изъ Тифлиса въ мѣста походнаго нашего расположенія, былъ такъ оригиналенъ, что изумилъ всѣхъ, даже самаго князя Намѣстника. Доставить эти вещи поручено было одному изъ чиновниковъ законодательнаго учрежденія, которымъ я управлялъ, прекрасному молодому человѣку Рутковскому, совершенно незнакомому съ тонкостями и опасностями военнаго быта. Это-то незнание и помогло ему совершить подвигъ, который всѣ единогласно признали удивительнымъ. Дѣло въ томъ, что, получивъ экстраординарныя вещи, Рутковскій отправился къ намъ не тѣмъ путемъ, которымъ мы шли, а какимъ-то другимъ, встрѣчнымъ. Собственное ли соображеніе руководило его въ этомъ, или указанія другихъ — я не знаю; но въ началѣ своего пути онъ ѣхалъ по тѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были наши войска, которыя и отдѣляли нужныя части для его конвоированія. Потомъ пункты эти, неожиданно для него, какъ-то прекратились, и онъ внезапно очутился въ такомъ положеніи, что за нимъ ле-

жалъ пройденный уже, довольно длинный, путь, а впереди враждебная страна непокорныхъ горцевъ. Всякій другой на его мѣстѣ, болѣе его опытный, возвратился бы назадъ, какъ это ни было бы непріятно; неопытный Рутковскій пошелъ впередъ и—удивительное дѣло!—здравъ и невредимъ явился въ нашъ лагерь, доставивъ въ совершенной цѣлости всѣ порученныя ему вещи. Изъ разсказовъ его видно, что, являясь въ какой нибудь аулъ, онъ относился къ нему, какъ къ какому нибудь селу въ Тамбовской губерніи, требовалъ лошадей и проводниковъ, на томъ основаніи, что «казну везетъ». По словамъ Рутковскаго, слово «казна» имѣло на дикихъ горцевъ какое-то магическое дѣйствіе, и они относились къ нему съ замѣтнымъ уваженіемъ, какъ къ чему-то священному. Онъ говорилъ, что при появленіи его въ немирномъ аулѣ почти все населеніе его выползало изъ сабель и группировалось вокругъ него съ фizioноміями, на которыхъ удивленіе смѣшивалось съ непріятностію. Слово «казна» какъ будто тотчасъ вразумляло ихъ. Этого мало. Рутковскій говорилъ, что, по желанью жи-

телей, онъ нѣсколько разъ распаковывалъ вещи, показывалъ ихъ осаждавшимъ его толпамъ и самъ любовался ихъ безконечнымъ изумленіемъ. Князь А. И. Барятинскій часто любилъ касаться этого предмета и говорилъ, что Рутковскій сдѣлалъ неслыханное дѣло. Фадѣевъ ⁽²⁾ говорилъ, что поведение Рутковского во всемъ этомъ дѣлѣ походило на поведение ребенка, который находитъ веселое и забавное въ огнѣ, обхватившемъ домъ, гдѣ онъ находится. И дѣйствительно, по свидѣтельству самаго Рутковского, онъ не признавалъ и не чувствовалъ рѣшительно никакой опасности, проходя чрезъ немирные аулы.... Нѣтъ сомнѣнія, что въ нравственномъ состояніи страны, готовой уже покориться, надо искать объясненія замѣчательнаго подвига Рутковского.

Справедливость требуетъ сказать, что бѣдному Булатову было много труда и возни съ своими деньгами и своими вещами, потому что расходование тѣхъ или другихъ, расходование, почти всегда экстренное и потому безпорядочное, все таки требовало

---

(2) Извѣстный военный писатель.

отчетности. Отъ этого происходило, что въ то время, когда всѣ другіе члены походной свиты Намѣстника кутятъ или спятъ, Булатовъ вѣчно считаетъ свои деньги или свѣряетъ свои счета. Мнѣ лично было очень пріятно, что вся денежная часть была поручена такому солидному и опытному человѣку, и я избавленъ былъ отъ необходимости принимать въ ней какое либо непосредственное участіе.

Потомъ къ походной канцеляріи я присоединилъ Зиссермана. Зиссерманъ, не смотря на то, что былъ маіоръ или полковникъ (хорошо ужъ не помню) принадлежалъ къ тому же законодательному учрежденію, о которомъ я выше упомянулъ. Это былъ человѣкъ, весьма опытный, умный и образованный. По предшествовавшей военной службѣ своей, онъ подробно зналъ всѣ мѣстныя обстоятельства страны, въ которую направлялся походъ и знакомъ былъ со всѣми туземными личностями, сколько нибудь замѣчательными. Владикавказъ, гдѣ преимущественно производились различныя походныя заготовленія и всю военную обстановку его, онъ зналъ, какъ свои пять пальцевъ. Въ заключеніе, онъ

былъ нѣсколько разъ самъ въ походахъ. Понятно, какъ мнѣ важно и полезно было имѣть при себѣ такого опытнаго человѣка, мнѣ, который долженъ былъ вкусить первыя сладости похода. Я передалъ Зиссерману всѣ хозяйственныя распоряженія по заготовленію для меня во Владикавказѣ походной палатки, по покупкѣ верховой лошади, по приобрѣтенію вещей, необходимыхъ для походной канцеляріи и т. п., и справедливость требуетъ сказать, что трудно было найти для всего этого болѣе искуснаго и усерднаго исполнителя.

Наконецъ въ составъ походной канцеляріи я назначилъ одного изъ толковѣйшихъ моихъ писцовъ, на руки котораго сдана была вся матеріальная часть включительно съ походною мебелью, состоявшею изъ складныхъ столовъ и стульевъ, нарочно для похода приготовленныхъ.

До начала похода, князь А. И. Барятинской нашелъ нужнымъ отправиться въ Петербургъ, для предварительныхъ переговоровъ съ Государемъ и оттуда возвратиться уже прямо въ крѣпость Грозную, гдѣ, къ 10 Іюля, должно было сосредоточиться все, что

назначено къ участию въ походѣ. Съ приближеніемъ этого срока началось отправленіе изъ Тифлиса различныхъ частей и различныхъ личностей.

Всѣ эти части и личности выступали въ очередномъ порядкѣ по особо составленному росписанію. Очередь дошла и до меня. Въ назначенный день тронулась моя походная канцелярія и безъ особыхъ приключеній прибыла въ Владикавказъ. Въ Владикавказѣ представлены были на мое усмотрѣніе пріобрѣтенныя и заготовленныя предварительными распоряженіями Зиссермана походныя принадлежности. Изъ нихъ наиболѣе достойными моего вниманія были, во первыхъ, походная лошадь и, во вторыхъ, походная палатка. И то и другое оказалось вполнѣ удовлетворительнымъ.

Исторія лошади была слѣдующая: въ какомъ-то бывшемъ не задолго предъ тѣмъ сраженіи съ какимъ-то возмущившимся племенемъ убитъ былъ знаменщикъ враждебной партіи, которому именно принадлежала эта лошадь. За смертію хозяина она досталась вдовѣ его. Одинъ изъ мѣстныхъ начальниковъ, полковникъ или генералъ, кажется Кундуховъ, самъ та-

таринъ и величайшій лошадиикъ, къ которѣму обратился Зиссерманъ по части пріобрѣтенія для меня походнаго коня, насѣлъ, какъ говорится, на эту вдову и отбилъ у нея лошадь убитаго знаменщика, разумѣется не жалѣя денегъ. Счастливый всегда и во всемъ, я и здѣсь оказался счастливымъ. Это была не лошадь, а сокровище; необычайной силы, умна, быстра, послушна и въ высшей степени осторожна. Слава ея весьма скоро разнеслась по лагерю. Какихъ хитростей не употребляли мои свитскіе друзья, чтобъ отбить ее у меня посредствомъ мѣны и различныхъ другихъ средствъ, безпрестанно и безуспѣшно ими изобрѣтаемыхъ! Шагъ у нея былъ удивительный, и рѣдкая лошадь могла равняться съ ней въ этомъ отношеніи, такъ что, когда мы, въ отсутствіе князя (о чемъ будетъ сказано ниже) переходили съ позиціи на позицію, и когда я, выдвинувшись впередъ, собиралъ вокругъ себя всѣхъ адъютантовъ, для хорошихъ пѣсень, они часто злились на меня именно за то, что я на своемъ шагистомъ конѣ утомляю ихъ лошадей, которыя не могли поспѣвать за нимъ и шли боль-

шею частію рысью. Рысь эта лошады имѣла также необычайную, и я смѣло вызывалъ всѣхъ на состязаніе. Въ особенности милый и добрый князь Суворовъ принимался нѣсколько разъ оспаривать у меня побѣду и всегда безуспѣшно. Однимъ словомъ, я гордился своею великолѣпною лошадыю и, благодаря ея необычайнымъ достоинствамъ, превратился въ совершеннаго джигита. Въ то время, когда адъютанты и другіе свитскіе господа, запасшіеся двумя или тремя лошадыми, бросали ихъ постепенно въ слѣдствіе слабости, изнуренія или болѣзней, мой конь постоянно оставался здоровъ и невредимъ, не теряя ни тѣла, ни силы. Если пріѣзжалъ въ нашъ лагерь какой нибудь петербургскій господинъ, и начиналъ разыскивать, гдѣ бы пріобрѣсти хорошую походную лошады, онъ тотчасъ накидывался на моего коня и дѣлалъ самыя блистательныя предложенія въ матеріальномъ отношеніи. Когда стало извѣстнымъ, что лошады эту, во время похода, нельзя пріобрѣсти ни за какія деньги, явилось много желающихъ купить ее по окончаніи похода. Въ числѣ этихъ желающихъ былъ и мой

пріятель Фадѣевъ. Продать лошадь за высшую цѣну противъ той, которую я самъ заплатилъ, я считалъ неприличнымъ; слѣдовательно, если я долженъ былъ уступить ее за свою цѣну—то, конечно, естественнѣе уступить ее пріятелю. На этомъ основаніи Фадѣевъ былъ предпочтенъ и объявленъ будущимъ владѣтелемъ моей лошади.

Что касается до походной палатки, изготовленной для меня во Владикавказѣ, то и она меня также удовлетворила вполне: подбитая сукномъ, съ прекрасно-устроеннымъ окномъ, она обѣщала оправдать свое назначеніе. И дѣйствительно, устланная ковромъ, заставленная уютною походною мебелью — она представляла очень милую комнату. Но мое личное пользованіе этою комнатою ограничивалось тѣмъ только, что я въ ней спалъ. Моя палатка какъ-то съ разу сдѣлалась общимъ достояніемъ всей свиты, такъ что почти въ теченіи всего дня она служила сборнымъ пунктомъ для всѣхъ адъютантовъ, и для меня попасть въ нее было также трудно, какъ и для всякаго посторонняго. Этому содѣйствовало, во первыхъ, комфортабель-

ное устройство и убранство моей палатки, какихъ не было ни у кого другаго на всей улицѣ, заселенной свитскими господами; во вторыхъ, обиліе всевозможныхъ запасовъ, находившихся въ распоряженіи моего камердинера и необычайное его умѣнье удовлетворять желаніямъ и требованіямъ cadaго, и въ третьихъ, учрежденіе между свитскими господами въ свободное время игры, для которой мои походные столы служили важнымъ и, можно сказать, единственнымъ основаніемъ. Просто непостижимо, какъ умѣли эти господа набиваться и умѣщаться въ эту, во всякомъ случаѣ, небольшую, палатку человѣкъ по 20. Я помню, что на одной моей походной кровати размѣщалось какъ-то, въ различныхъ изломанныхъ положеніяхъ, человѣкъ по 6 и по 8. Палатка моя освободилась нѣсколько только тогда, когда князю А. И. Барятинскому была прислана великолѣпная, круглая, татарская палатка, которую князь на первое время отдалъ, какъ я выше говорилъ, въ распоряженіе Тромповскаго ⁽³⁾ и которая сдѣлалась главнымъ мѣстомъ собраній свиты.

(3) Генераль, состоявшій при князѣ.

О походныхъ ящикахъ, заготовленныхъ для меня во Владикавказѣ, говорить нечего; для тѣхъ, кто не знакомъ съ ихъ устройствомъ практически, достаточно сказать, что это просто продолговатые сундуки известной мѣры, снабженные всевозможными ремнями, петлями и крючками, за которые они прикрѣпляются на выючной лошади къ сѣдлу особаго устройства.

Во Владикавказѣ мы пробыли весьма не долго, дня два или три и затѣмъ, въ тѣхъ же экипажахъ, но только не на почтовыхъ уже, а на казачьихъ лошадяхъ, передвинулись въ крѣпость Грозную. По пути отъ Владикавказа къ Грозной мы проѣзжали чрезъ казачьи станицы. Въ одной изъ этихъ станицъ была квартира командира какого-то казачьяго толка или казачьей бригады Едлинскаго, личности въ высшей степени замѣчательной. Это былъ человѣкъ чрезвычайно умный и образованный, но дурно говорившій по русски, сто разъ бывший богатымъ, человѣкъ, пользовавшійся особеннымъ вниманіемъ намѣстниковъ и составившій себѣ огромную славу своими знаменитыми по остроутѣ и

вѣрности изрѣченіями, которыя ходили по всему краю. Когда началось передвиженіе изъ Тифлиса въ Грозную, Едлинскій, жившій на перепутьѣ, счелъ долгомъ открыть у себя какое-то безконечное угощеніе и зазывать къ себѣ всѣхъ мимоидущихъ и ѣдущихъ. Пріѣхавъ въ эту станицу, я нашелъ уже тамъ большую часть свиты князя, которая, подъ командою и покровительствомъ С. А. Шереметева, слѣдовала верхами вмѣстѣ съ конвоемъ князя, выступившимъ изъ Тифлиса за нѣсколько дней до моего отѣзда. Само собою разумѣется, что и я былъ аттакованъ самыми настоятельными приглашеніями радушнаго хозяина удостоить вниманіемъ его, какъ онъ выражался, «хлѣбъ и соль», которые, въ видѣ самыхъ разнообразныхъ явствъ, повидимому, не сходили съ его гостепріимнаго стола съ утра до вечера. Послѣ того, какъ я ближе ознакомился съ обиліемъ и качествомъ этихъ блюдъ, хлѣбосольный хозяинъ представилъ мнѣ огромную коллекцію казацкихъ нагаекъ высшаго сорта и просилъ меня принять одну изъ нихъ на память. Само собою разумѣется, что началась

«борьба великодушія». Я упорно отказывался; онъ еще упорнѣе настаивалъ, и такъ какъ мой рѣшительный отказъ могъ бы показаться обиднымъ для него, то я и долженъ былъ уступить. Я сказалъ: «собраніе этихъ вещей такъ великолѣпно, что я истинно затрудняюсь сдѣлать выборъ, и потому, если вамъ такъ настоятельно угодно дать мнѣ матеріальный знакъ вашего добраго расположенія ко мнѣ, то потрудитесь сдѣлать этотъ выборъ сами». Едлинскій взялъ изъ цѣлой кучи нагаекъ самую лучшую и богатую, сплошь задѣланную въ серебро и приподнесъ мнѣ. Такой великолѣпной нагайки ни у кого не было. Свитскіе пріятели по очереди стали выпрашивать ее у меня въ подарокъ, пока я не подарилъ ее графу Ферзену.....

Крѣпость Грозная въ то время также мало походила на крѣпость, какъ и Владикавказъ. Это скорѣе былъ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ средней руки. Стараніями и распоряженіями того же Зиссермана намъ отвели тамъ квартиру, далеко не блестящаго вида, въ домѣ какого-то офицера изъ татаръ. Но задача состояла уже не

въ томъ, чтобъ имѣть хорошую квартиру (хорошихъ квартиръ и вовсе не существовало въ Грозной) а въ томъ, чтобы имѣть какое нибудь помѣщеніе, а съ этой точки наше помѣщеніе было еще лучшимъ, сравнительно съ другими. Грозная, можно сказать, была биткомъ набита, и конечно, во все время своего существованія, она не имѣла такого оживленія, какъ въ этотъ моментъ. Хозяиномъ нашимъ здѣсь былъ графъ Евдокимовъ. Домъ, который онъ постоянно занималъ, былъ имъ очищенъ для князя, а самъ онъ помѣщался въ какомъ-то другомъ изъ казенныхъ домовъ.

Домъ, приготовленный для князя, представлялъ для меня величайшій интересъ. Я зналъ, что князь Александръ Ивановичъ, по должности начальника лѣваго фланга, долго жилъ въ этомъ домѣ, что въ этомъ-то домѣ получались, распечатывались и читались мои петербургскія письма, которыя я адресовалъ въ крѣпость Грозную, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что это за крѣпость, гдѣ и какъ она стоитъ. Понятно, съ какимъ любопытствомъ я рассматривалъ его. Я нашелъ, что и по фасаду и по внут-

ренному расположенію онъ очень походить на одинъ изъ помѣщичихъ домовъ средней руки нашей внутренней Россіи: одноэтажный, обширный, чуждый изящества и великолѣпія, но удобный и покойный. Въ этомъ домѣ, еще до пріѣзда князя, мы собирались ежедневно въ назначенный часъ, обѣдать. Обѣды эти совершались уже, если не ошибаюсь, на счетъ князя, подъ командою милаго Тромповскаго, назначеннаго комендатомъ главной квартиры и сдѣлавшагося истиннымъ мученикомъ по этой должности, потому что безконечная его доброта производила то, что, въ одной стороны, его никто не хотѣлъ слушаться, а съ другой на него сыпались со всѣмъ сторонъ всевозможные упреки мельчайшаго свойства, и за то напр: что супъ не хорошъ и за то, что вина мало и т. п. Послѣ обѣда большею частію, вся свита высыпала гурьбой въ городской или крѣпостной садъ, по срединѣ котораго устроена была деревянная площадка. На этой площадкѣ играла музыка и происходили танцы. Наши адъютанты пускались танцевать и волочиться. Въ этомъ періодъ графъ Ностицъ, командиръ нижегородскаго

гусарскаго полка, далъ намъ большой праздникъ. Нижегородскій полкъ стоялъ верстахъ въ десяти отъ Грозной, и всѣ мы пустились туда верхами, пробуя по дорогѣ впервые нашихъ походныхъ коней. Справедливость требуетъ сказать, что праздникъ былъ очень хорошъ: съ иллюминаціей, моремъ вина, пѣснями, добрымъ ужиномъ, качаньемъ на рукахъ и всею обстановкою, какою отличаются полковые праздники на Кавказѣ....

Во время пребыванія въ Грозной, я увидѣлъ и узналъ впервые, — что такое саранча, этотъ бичъ Божій. Не знаю почему, но всѣ слухи и рассказы о саранчѣ еще прежде постоянно интересовали меня. Мнѣ казалось невѣроятнымъ, что саранча застилавъ солнце, превращаетъ хлѣбныя поля мгновенно въ голую степь и. т. п. Какъ то, проѣзжая однажды по желѣзной дорогѣ изъ Москвы въ Петербургъ, я встрѣтилъ какого-то господина, который, въ стеклянной банкѣ, везъ нѣсколько экземпляровъ живой саранчи изъ Новороссійскаго края и торжественно показывалъ ее всѣмъ желающимъ. Любопытныхъ было множество; видно было, что на сѣверѣ не я одинъ жаж-

далъ взглянуть на это, ничтожное въ отдѣльности, но страшное въ массѣ насѣкомое жаркихъ странъ. Я разсматривалъ экземпляры, заключавшіеся въ банкѣ, съ величайшимъ любопытствомъ, видѣлъ въ нихъ нѣчто въ родѣ обыкновенныхъ, только большихъ размѣровъ кузнечиковъ и все таки не могъ понять страшной истребительной силы это слабаго творенія. Я помнилъ также офиціальный рассказъ, напечатанный въ газетахъ въ родѣ какого-то донесенія, гдѣ говорилось, что въ какомъ-то селеніи одной изъ закавказскихъ губерній появилась саранча, что жители, слѣдуя стариннымъ преданіямъ, избрали изъ среды себя самаго благочестиваго человѣка и послали его, въ сопровожденіи депутатовъ или ассистентовъ, къ какому-то извѣстному ключу за водой; потомъ разказывалось, какъ онъ почерпнулъ этой воды въ сосудъ и понесъ ее торжественно въ свое селеніе, какъ при этомъ обратномъ шествіи надъ головой его вились во множествѣ какія-то птицы и вмѣстѣ съ нимъ прилетѣли въ селеніе и какъ, наконецъ, птицы эти напали на саранчу и истребили ее. Этотъ рассказъ, испол-

ненный чего-то чудеснаго и въ тоже время имѣвшій официальный характеръ, еще болѣе приковалъ мое любопытство къ вопросу о саранчѣ.

При этихъ условіяхъ понятно, какое чувство испыталъ я, когда однажды утромъ мой камердинеръ сказалъ мнѣ: «не угодноли взглянуть на саранчу? летить тучей чрезъ Грозную». Когда я вышелъ изъ своихъ комнатъ, мнѣ, прежде всего, представилось, что вмѣсто яснаго утра наступило что-то въ родѣ сумерекъ. Необъятной тучей саранча затемняла все видимое пространство и летѣла такъ низко, что шелкалась о мой лобъ. Милліоны, или лучше сказать неисчислимыя числа этихъ летучихъ существъ, съ легкимъ шумомъ и какъ-то бочкомъ проносились надъ Грозной. Множество мальчишекъ, вооруженныхъ палками, махали противъ теченія и разомъ побивали тысячи. Взрослое населеніе оставалось совершенно равнодушно и не обращало на саранчу никакого вниманія, продолжая заниматься своими обычными дѣлами. Саранчи дѣйствительно падало множество подъ нашими ударами; но совокупныя дѣйствія наши имѣли на уменьшеніе саранчи

тоже вліяніе, какое можетъ имѣть, напр., на уменьшеніе многоводной Невы стаканъ воды, почерпнутый изъ нея. Вообще въ то лѣто, въ томъ краю было особенно много саранчи, и вопросъ о способахъ истребленія ея, я помню, былъ не разъ предметомъ разговоровъ за обѣдами князя, по его прибытіи въ Грозную. Я помню, какъ онъ самъ рассказывалъ о своихъ впечатлѣніяхъ при первоначальномъ знакомствѣ съ саранчею; изъ его словъ, между прочимъ, видно было, что тѣ священныя птицы, о которыхъ я выше упомянулъ, не что иное, какъ скворцы, какой-то особой породы; что вслѣдъ за саранчей всегда появляются и они; что птицы эти имѣютъ, по природѣ своей, какую-то непостижимую ненависть къ саранчѣ и потому не пожираютъ ея, что дѣйствительно и было бы невозможно, но истребляютъ т. е. побиваютъ; по словамъ князя, когда птицы эти утомятся этимъ побіеніемъ, они летятъ къ ближайшей рѣкѣ, купаются тамъ, обмываются, освѣжаются, и съ новыми силами опять летятъ на враговъ и опять побиваютъ.

Человѣкъ ко всему привыкаетъ;

точно такъ и я, познакомившись съ саранчею, потомъ почти вовсе уже не обращалъ на нее вниманія. Между тѣмъ, когда я изъ похода возвращался въ Пятигорскъ и проѣзжалъ степными мѣстами, саранча почти постоянно была моимъ спутникомъ. Ъдешь напримѣръ по степи, ничего не видя ни въпереди, ни по сторонамъ; вдругъ передъ вами вдали начинается взвиваться отъ земли какой-то дымокъ. Это значитъ, что начинается подниматься саранча, встревоженная вашимъ почтовымъ колокольчикомъ. Дымокъ, сначала едва замѣтный, поднимается выше, становится гуще и обращается въ большую тучу. Вы скоро въѣзжаете въ эту тучу; яркій свѣтъ, которымъ вы наслаждались, меркнетъ нѣсколько; вы окружены со всѣхъ сторонъ саранчей; она бьетъ васъ въ лицо, набивается въ тарантасъ, въ складки вашего платья, колеса вашего экипажа; копыта вашихъ лошадей мнутъ ее въ невообразимомъ множествѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мнѣ часто приходило на умъ: что еслибы это насѣкомое, страшное только своимъ множествомъ, способно было наносить непосредствен-

но человѣку вредъ, хотя равносильный только тому вреду, какой наносить комаръ или ничтожнѣйшая мошка? --

Между тѣмъ дѣятельный Зиссерманъ продолжалъ распоряжаться. Онъ зналъ, какъ говорится, всѣ выходы и входы. Онъ не только распоряжался, но постоянно училъ меня. Благодаря его совѣтамъ, я былъ снаряженъ и обезпеченъ со всѣхъ сторонъ.... Онъ вытребовалъ и прикомандировалъ ко мнѣ, или лучше сказать, къ походной канцеляріи, значительное число Донскихъ казаковъ, этихъ несчастныхъ паріевъ Кавказскаго военнаго міра. Относительно военнаго достоинства этихъ казаковъ я слышалъ различные мнѣнія. Смотри на какое-то общее презрѣніе, съ которымъ относился къ нимъ Кавказъ въ мое время, на унизительныя и часто совершенно чуждыя всякаго военнаго отѣнка обязанности, которыя тамъ на нихъ возлагались, я имѣлъ основаніе заключать, что собственно къ боевому дѣлу они, или вовсе негодны, или пригодны, да мало, особенно въ сравненіи съ кавказскими линейными казаками, которые, по общему убѣжденію и по моимъ собственнымъ наблюде-

ніямъ, имѣли полнѣйшее право называться «молодцами». Между тѣмъ люди знающіе и опытные говорили, что у Донцевъ все зависитъ отъ полковаго командира. Если полковой командиръ молодець, то и они превращаются въ молодцовъ, не хуже линейныхъ казаковъ. Въ примѣръ ставили знаменитаго генерала Бакланова, который съ тѣми же Донцами дѣлалъ на Кавказѣ такія чудеса, которыми удивлялись и рукоплескали Кавказцы. Самъ князь Александръ Ивановичъ имѣлъ очень высокое мнѣніе о Донцахъ. Онъ много рассказывалъ примѣровъ ихъ изумительной храбрости. Изъ числа ихъ я особенно живо помню одинъ и конечно потому, что князь рассказывалъ его съ неподражаемымъ искусствомъ. Гдѣ-то, когда-то шли два Донскіе казака безъ оружія. Вдали пробѣжалъ какой-то невиданный ими звѣрь, что-то въ родѣ волка. Впослѣдствіи оказалось, что эта была гіенна, звѣрь, попадающійся на Кавказѣ. Казаки замѣтили, что звѣрь тотчасъ скрылся въ расщелину какой-то скалы. Они —туда и послѣ розысковъ замѣтили нѣчто въ родѣ естественной норы. Они стали шу-

мѣть, чтобъ выгнать оттуда звѣря, но безуспѣшно; тогда казаки сами полѣзли въ нору и вскорѣ, въ глубинѣ ея, замѣтили сверкающіе глаза и шелкающіе зубы. Приостановясь, они стали разсуждать о томъ, какъ имъ взять звѣря; взять однако было нечѣмъ, потому что съ ними не было никакого оружія. Они порѣшили такимъ образомъ, что одинъ изъ нихъ пойдетъ назадъ на свой постъ и принесетъ ружье, а другой останется въ норѣ стеречь звѣря, чтобъ не ушелъ. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Одинъ путешествовалъ нѣсколько часовъ, а другой въ это время, совершенно безоружный, оставался съ глазу на глазъ съ гіенной, въ ея собственномъ жилищѣ. Когда принесено было ружье, казаки преспокойно ее застрѣлили, не подозрѣвая, что они совершаютъ такой подвигъ, о которомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, самъ главнокомандующій будетъ разсказывать.

Но оставляя въ сторонѣ вопросъ о храбрости Донцовъ, я могу навѣрное сказать, что на Кавказѣ положеніе ихъ, по крайней мѣрѣ въ мое время, было самое невыгодное. Кавказъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на сторожей или

разсылныхъ. Они разсыпаны были по кордоннымъ линіямъ; они стояли на постахъ, по почтовымъ трактамъ, гдѣ не было кавказскихъ казачьихъ станицъ и сопровождали почту и проѣзжающихъ; они перевозили летучую почту, которая напоминаетъ мнѣ также одинъ рассказъ, не лишенный комизма. Летучая почта учреждалась тамъ, гдѣ не существовало почтовыхъ трактовъ и перевозилась въ особыхъ сумкахъ верховыми казаками отъ одного пункта до другаго. На одномъ изъ подобныхъ пунктовъ очутился какъ-то какой-то значительной господинъ изъ чиновныхъ. Вынужденный оставаться нѣкоторое время въ этомъ пунктѣ, т. е. въ какомъ-то казенномъ домѣ, онъ замѣтилъ, подъ лавкой или столомъ, кожанную сумку и спросилъ: что это такое? Ему отвѣчали: «это летучка (т. е. летучая почта) бѣгитъ!»—«А давно она бѣгитъ?» спросилъ господинъ. «Нѣтъ! вчера только сюда пришла, скоро отправимъ», отвѣчали ему. Размѣщали этихъ несчастныхъ Донскихъ козаковъ въ самыхъ болѣзненныхъ мѣстахъ, подобно Елисаветпольскому тракту, на которомъ я своими глазами видѣлъ ихъ

валяющихся безъ памяти кучами, въ лихорадочномъ жару, съ открытыми ртами, въ которыхъ свободно расхаживали мухи и различныя букашки. Я съ ужасомъ представляю себѣ, какъ много Донцовъ сложили свои кости въ этомъ гибельномъ и непривлекательномъ для нихъ краю и какое впечатлѣніе производятъ въ донскихъ семьяхъ рассказы уцѣлѣвшихъ и возвратившихся козаковъ о безчисленныхъ страданіяхъ, которымъ они дѣйствительно тамъ подвергались.

Главная обязанность назначенныхъ къ намъ казаковъ заключалась въ томъ, чтобы, во первыхъ ухаживать за нашими походными лошадьми; во вторыхъ состоять при насъ ординарцами во время нашихъ разъѣздовъ и переходовъ и въ третьихъ охранять и сопровождать наши вьюки, во время передвиженія ихъ съ одной позиціи на другую. Само собою разумѣются, что сюда же относилось: снимать и укладывать наши палатки со всѣми нашимъ имуществомъ, когда снимался нашъ лагерь, и разбивать и устанавливать все это на новой позиціи; вообще они составляли второстепенныхъ нашихъ слугъ. Впро-

чемъ въ хозяйственную часть я нисколько не углублялся и зналъ только своего ординарца. Такъ какъ въ составѣ походной канцеляріи я былъ первый человѣкъ, то въ должность ординарца при мнѣ вступилъ донской унтеръ-офицеръ, начальникъ или старшій надъ всѣми другими казаками, къ намъ назначенными. Это былъ удивительный человѣкъ, и я съ благодарностію о немъ вспоминаю. Умный, ловкій, расторопный! Въ разъѣздахъ онъ ни на минуту не отставалъ отъ меня. Стоило только вздумать что нибудь и выразить свое желаніе, чтобы оно мгновенно исполнилось. На рукахъ этого казака была моя бурка, мой башлыкъ, а главное весьма помѣстительный сакъ-вояжъ, который заключалъ въ себѣ рѣшительно все, чего только душа попросить. Въ этомъ сакъ-вояжѣ находилось все, способное удовлетворить не только меня самаго, но и всѣхъ товарищей, которые непрерывно обращались ко мнѣ то за тѣмъ, то за другимъ... Мой козакъ съ его запасами пріобрѣлъ, какъ и мой камердинеръ, величайшую популярность въ различныхъ толпахъ похода. Адъютанты, для которыхъ онъ особенно

былъ пріятенъ, называли его не иначе, какъ по имени и отчеству. Все это очень льстило моему Донцу, а мои щедрые подарки радовали его и въ матеріальномъ отношеніи. Когда я вырвался изъ похода, онъ со слезами прощался со мною, и въ сію минуту мнѣ крайне жаль, что я не записалъ его имени и тѣмъ лишилъ себя великаго удовольствія, въ воспоминаніе самыхъ рельефныхъ дней моей жизни, поддерживать его, для чего у меня много и готовности и достаточно средствъ.

Я упомянулъ о вьюкахъ. Вьюки—принадлежность тѣхъ мѣстъ, которыя не имѣютъ правильныхъ путей сообщеній. Еще при самомъ пріѣздѣ на Кавказъ, я былъ уже пораженъ на военногрузинской дорогѣ безконечными вереницами верблюдовъ, подъ громадными вьюками медленно и осторожно переставляющихъ свои длинныя ноги. Но товарный правильный вьюкъ на спинѣ верблюда, какъ будто нарочно приспособленной именно къ перевозкѣ тюковъ, не представлялъ еще ничего особенно непріятнаго. Съ отвратительными зрѣлищами по части вьюковъ я познакомился ближе въ

Тифлисъ. На каждомъ шагу тамъ можно видѣть небольшого ешака, или просто осла, положительно изнемогающаго подъ массою дровъ, на него нагроможденною, въ сопровожденіи туземца (въ довершеніе колючекъ, которыя бѣдное животное получаетъ отъ своей ноши) осыпающаго его ударами дубины, по ногамъ или головѣ и всюду, куда только дубина, не задерживаемая дровами, можетъ достать. Что касается до меня, то я положительно имѣю омерзѣніе ко всевозможнымъ вьюкамъ, какъ къ самому дикому и варварскому способу передвиженія тяжестей. Между тѣмъ еще, до похода, я слышалъ уже, что запряжено огромнѣйшее число вьючныхъ лошадей. Изъ этого числа распорядительный Зиссерманъ успѣлъ приобрѣсти солидную часть для походной канцеляріи. Лошади эти не находились впрочемъ при насъ постоянно и оставались на попеченіи своихъ хозяевъ; но въ назначенный часъ для передвиженія онѣ являлись, навьючивались и навьюченные слѣдовали въ сопровожденіи нашихъ козаковъ на новый пунктъ, тамъ развьючивались и пропадали до новой надобности. Этихъ

операцій навьючиванія и разъвьючиванія я постоянно, въ слѣдствіе сильнѣйшей къ нимъ антипатіи, избѣгалъ, предоставляя моей прислугѣ и нашимъ козакамъ укладываться и раскладываться, какъ знаютъ. Мнѣ даже совѣстно было слушать, когда камердинеръ упоминалъ, что шестомъ моей палатки, напр., испортило ногу у одной лошади и что у другой походнымъ столомъ весь бокъ стерло. Мнѣ казалось, что какъ будтобы я самъ надѣлалъ эти гадости и краснѣлъ, что они такъ противоположны цѣлямъ общества покровительства и защиты животныхъ, цѣлямъ, которымъ я постоянно и искренно сочувствовалъ.

Наконецъ сталъ приближаться день прибытія князя въ Грозную. Я уже много говорилъ о могуществѣ и значеніи Намѣстника и Главнокомандующаго на Кавказѣ. Вспоминая день прибытія князя въ Грозную, я не могу не сказать, что день этотъ наиболѣе осязательнымъ образомъ свидѣтельствовалъ о могуществѣ и значеніи его. Уже за нѣсколько дней до пріѣзда князя пошли различныя приговорительныя распоряженія для встрѣчи его: но какъ распоряженія

эти относились преимущественно до военного міра, то, не принимая въ нихъ никакого участія, я даже мало зналъ, въ чемъ онѣ состояли. Я видѣлъ только значительную суетню и слышалъ постоянно одни и тѣже вопросы и отвѣты: «Когда?» — «Тогда-то».

Когда стало положительно извѣстно, что князь прибудетъ въ такой-то день и часъ, къ этому времени военный и гражданскій міръ высшаго разряда собрался при домѣ, назначенномъ для князя; на площадкѣ предъ домомъ поставленъ былъ почетный караулъ и устроены были другія военныя почести, которыя всегда оставались для меня мало понятными. Часовъ въ пять или шесть прискакали, какъ бѣшеные, передовые люди съ извѣстіемъ что ѣдетъ... Все стало устанавливаться въ извѣстный порядокъ и принимать неподвижный видъ, какъ будто проинкнутое торжественнымъ величіемъ предстоящей минуты, такъ что и я не вольно почувствовалъ какое-то нервное волненіе. Скоро стало видимо для насъ громаднѣйшее облако густой черной пыли, скрывавшее поѣздъ князя. Облако быстро приближалось къ намъ; раздались крики: «смирно» и другія

военныя команды. Почти въ непроницаемой тучѣ страшной пыли, меня, прежде всего, поразили страшныя образины татаръ, сопровождающихъ, въ видѣ конвоя, князя. Съ черными отъ пыли лицами, съ сверкающими глазами, съ бритыми головами, съ громадными на нихъ папахами, заломленными назадъ, и покрывавшими длинными лохматыми клокьями физиономіи этихъ господъ — они были истинно страшны и въ то же время великолѣпны. Ничего подобнаго я дотолѣ не видывалъ. Подъ вліяніемъ величайшаго любопытства я впивался глазами въ нѣкоторыя, особенно типическія, физиономіи; но какъ только падалъ на меня гордый, несказанно-самоувѣренный и въ то же время свирѣпый взглядъ татарина, я тотъ часъ отводилъ, какъ школьникъ, отъ него глаза свои: взгляда этого, быстрого, смѣлаго, упорнаго въ высшей степени, я положительно выносить не могъ. Я тотчасъ старался собрать свѣдѣнія, что это за люди? Мнѣ отвѣчали, что это конвой, составленный изъ горцевъ только что покоренныхъ ауловъ. «Ну», думаю себѣ, «хороши! Каковы же должны быть обитатели ауловъ непокоренныхъ?»

Однимъ словомъ впечатлѣніе, произведенное на меня этими господами, было необычайно сильно. Мнѣ какъ-то вдругъ сдѣлались понятны всѣ ужасные рассказы различнаго содержанія, которые связывались съ «гибельнымъ Кавказомъ».

Но въ числѣ достоинствъ и недостатковъ истинно-Русскаго человѣка есть та черта, что онъ способенъ удивляться чему бы то ни было одинъ только, первый разъ; потомъ онъ не только привыкаетъ къ тому, что его впервые поразило, но и начинаетъ находить, что тутъ и нѣтъ ничего поразительнаго. Если тотъ, кто, быть можетъ, будетъ читать мои записки, вспомнить мой рассказъ о томъ, какъ мои пріатели и пріатели хромого N. N. затащили его почти насильно въ одинъ торжественный день во дворецъ, какъ онъ сначала трусилъ и жался въ заднихъ рядахъ и какъ потомъ, освоившись и осмотрѣвшись, онъ уже сталъ безцеремонно расхаживать тамъ, откуда тѣ же пріатели, во избѣжаніе скандала, должны были извлекать его со внушеніемъ бѣльшей осторожности, — тотъ, повторяю, пойметъ ту черту Русскаго человѣка, которую я хочу

здѣсь отмѣтить. Именно эта самая черта нашлась и въ моей Русской душѣ по отношенію къ горцамъ....

Обращаюсь къ встрѣчѣ князя. За отрядомъ этихъ страшныхъ людей, составлявшихъ передовой конвой, летѣлъ экипажъ князя. Его положительно узнать нельзя было. Я не говорю уже о томъ, въ какомъ положеніи было его платье. Самое лицо, усы, бакенбарды покрыты были такимъ толстымъ слоемъ черной пыли, что все это въ совокупности представляло одно сплошное черное пятно съ одними прорѣзами, изъ которыхъ виднѣлись глаза. Мнѣ даже непріятно было, что князь рѣшился въѣхать въ Грозную въ такомъ страшномъ видѣ. Должно быть, князь и самъ сознавалъ это, потому что, выйдя изъ коляски, онъ быстро подошелъ къ стоявшимъ тутъ солдатамъ и за тѣмъ также быстро скрылся. Спутники его были, разумѣется, не въ лучшемъ видѣ и тоже скрылись. Всѣмъ знатымъ особамъ объявлено было, что князь переодѣвается и скоро всѣхъ приметъ. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ князь вышелъ къ намъ въ залу, свѣжій и блестящій и по обычаю, начавъ съ одного кон-

па, сталъ обходить весь кругъ ожидающихъ «движенія воды» и съ каждымъ говорилъ по нѣскольку словъ. Когда очередь дошла до меня, на лицѣ князя выразилось удовольствіе при взглядѣ на меня. «А! любезный Василій Антоновичъ! И вы здѣсь! Какъ я радъ!» Потомъ, осмотрѣвъ меня, облеченнаго въ гражданскую парадную форму и замѣтивъ мою штатскую шпагу, князь прибавилъ: «ну ужъ это прочь теперь,—шашку, шашку!»

Когда кончилось это представленіе, князь перешелъ въ столовую залу, блистательно освещенную, въ которой стояли накрытые и убранные столы. За нимъ потянулись всѣ приглашенные. Надо замѣтить, что по соглашенію графа Евдокимова съ Тромповкимъ, этотъ первый обѣдъ, знаменующій встрѣчу князя, давалъ графъ Евдокимовъ, и потому всѣ приглашенія заблаговременно сдѣланы были отъ его имени. За этимъ обѣдомъ я впервые увидѣлъ много татарскихъ физиономій въ высокихъ папахъ. Мнѣ рассказывали значеніе и исторію каждаго. Помню, что сущность этихъ исторій имѣла ту основную черту, что всѣ эти горскіе люди были люди столь-

же способные, сколько и не благонадежные, что они по нѣскольку разъ переходили то къ намъ, то къ Шамилю и что, не смотря на ихъ азіатское коварство и продажничество, эти люди въ рукахъ такихъ людей, какъ князь Барятинскій и графъ Евдокимовъ, знавшихъ ихъ вдоль и поперекъ, приносили своимъ умомъ, своими связями, знаніемъ всѣхъ мѣстныхъ условій и обстоятельствъ, огромнѣйшую пользу. Это были, такъ сказать, лучшіе наши политическіе агенты, колебавшіе нравственное могущество нашего врага. Князь Александръ Ивановичъ относился къ нимъ чрезвычайно ласково и привѣтливо. Потомъ я замѣчалъ, что они вѣчно вертѣлись около палатки графа Евдокимова, составлявшаго все таки главный центръ и основную связь похода и при передвиженіяхъ съ позиціи на позицію находились въ составѣ его свиты.

Во время обѣда играла полковая музыка; но она, можно сказать, совершенно ступшевывались предъ Сунженскими пѣсенниками, которые великолѣпно пѣли заливчатскія казацкія пѣсни и прославляли въ нихъ князя Барятинскаго и Слѣпцова. Надо за-

мѣтитъ, что Слѣпцовъ оставилъ великолѣпную по себѣ память на Кавказѣ, такъ что въ преданіяхъ и пѣсняхъ имя его постоянно сливается съ именемъ князя Барятинскаго. Есть много людей, которые, въ невѣдѣніи своемъ, и доселѣ находятъ возможнымъ сравнивать эти двѣ личности; но на самомъ дѣлѣ, сколько по моимъ собственнымъ соображеніямъ, столько и по отзывамъ людей, дѣйствительно способныхъ разсматривать этотъ вопросъ, между ними не могло существовать никакого сходства. Слѣпцовъ, по общему свидѣтельству, былъ идеальнаго храбраго человѣка. Съ своими Сунженскими казаками онъ дѣлалъ чудеса, и эти чудеса окружали его личность, особенно въ глазахъ казаковъ, чѣмъ-то чудеснымъ. Отъ казаковъ благоговѣніе предъ именемъ Слѣпцова распространилось далѣе и составляетъ справедливую дань безпримѣрному мужеству и храбрости Слѣпцова: но тѣмъ все и оканчивается. Признаковъ полководца, администратора, однимъ словомъ государственнаго человѣка Слѣпцовъ въ себѣ никакихъ не явилъ, и я даже не знаю, задѣвалъ-ли его ктонибудь и когданибудь именно съ этой сто-

роны: до такой степени она была въ немъ ничтожна. Между тѣмъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій уродился по преимуществу человѣкомъ государственнымъ. Въ молодости и онъ, будучи на Кавказѣ, тоже рубился знатно, и всѣмъ памятна его необыкновенная храбрость; но это не было его исключительнымъ призваніемъ...

Еще во время обѣда, князь вызывалъ изъ толпы пѣсенниковъ нѣкоторыхъ усачей, которыхъ онъ лично зналъ и которые, конечно, лично знали его, на ступеняхъ, отдаленныхъ отъ положенія главнокомандующаго; вспоминалъ то или другое дѣло, обоюдно памятное и своею привѣтливостію электризовалъ, такъ сказать, ихъ простыя сердца и доводилъ восторгъ ихъ до крайней степени. Предъ окнами дома и у сада, къ нему принадлежащаго, двигались огромныя толпы разнокалибернаго народа.

Я уже не могу сказать положительно, сколько именно дней князь, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что собралось для похода, провели въ Грозной; помню только, что немного. Всѣ дни, разумѣется, походили одинъ на другой. Утромъ совершались различные до-

клады князю. Въ назначенный часъ собирались всѣ къ обѣду князя. Пользующіеся этою честію раздѣлялись на два разряда: одни почетнѣйшіе, и ближайшіе, къ числу которыхъ и я былъ отнесенъ, имѣли постоянное приглашеніе; другіе, не почетнѣйшіе и не ближайшіе, приглашались въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ....

II.

Наконецъ объявленъ былъ день дѣйствительнаго похода. Вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено, что князь опять отправляется куда-то въ сторону, для обзора мѣстностей, до взятія Веденя бывшихъ недоступными для насъ и потомъ, чрезъ нѣсколько дней, присоединится къ намъ уже на походѣ.

Я живо помню день нашего выступленія изъ Грозной. Часовъ въ пять утра весь штабъ князя былъ уже въ сборѣ на указанномъ мѣстѣ. По данному приказанію, тронулась въ путь безконечная вереница всадниковъ, вьюковъ и солдатъ. Оживленіе въ этой движущейся медленно вереницѣ было величайшее. Всѣ сѣзжались и разсѣзжались непрерывно, осматри-

вая походный видъ cadaго, какъ будто бы какой-то праздникъ наступилъ. Всѣ смотрѣли весело и радостно. Погода стояла дивная, и солнце съ раннихъ поръ начало припекать сильнѣйшимъ образомъ, а въ полдень палило уже невыносимо, такъ что многіе солдаты, какъ намъ говорили, падали на дорогѣ отъ жары и утомленія. Казаковъ, линейныхъ и донскихъ, въ нашемъ отрядѣ было безчисленное множество; они, какъ мухи, порхали по всѣмъ направленіямъ...

Первый привалъ, сколько могу припомнить, былъ въ „Шали“, военномъ укрѣпленіи, гдѣ и было устроено нашимъ милымъ комендантомъ Тромповскимъ нѣчто въ родѣ завтрака. Второй привалъ, кажется, былъ въ подобномъ же укрѣпленіи „Бердикеляхъ“. Въ Бердикеляхъ приготовленъ былъ распоряженіями тогоже Тромповскаго обѣденный столъ, который на первыхъ же порахъ показалъ, что этому кроткому и добродушному чело-вѣку не по силамъ и не по характеру управляться съ такою размахистою толпою, какую представляла изъ себя свита Намѣстника. Она шумѣла, пѣла, сбивала съ толку прислугу, однимъ

словомъ производила страшный хаосъ. Бѣдный Тромповскій метался во всѣ стороны и безуспѣшно старался водворить какое нибудь подобіе порядка.

Среди обѣда свитскіе вдругъ стали куда-то исчезать, одинъ за другимъ. За ними и я потянулся. Оказалось, что гдѣ-то подъ горой открыть какой-то дрянной духанъ, гдѣ мои пріатели и расположились пировать. Когда я пріѣхалъ туда съ моимъ козакомъ, я нашелъ тамъ, какъ говорится «дымъ коромысломъ». Смѣтливый армянинъ, хозяинъ духана, имѣлъ благоразуміе застать шампанскимъ, и я былъ истинно удивленъ, когда, войдя въ грязный хлѣвъ съ землянымъ поломъ, увидѣлъ хлопающія пробки. Вѣроятно этотъ день нашествія свиты остался самымъ лучшимъ днемъ въ грязной жизни этого грязнаго духанщика. Памятенъ этотъ день и для меня по безумной выходкѣ, которою я рассчитывалъ заявить съ разу всему міру свое безстрашіе.

Выйдя изъ духана, я вскочилъ на коня и помчался впередъ во весь опоръ по единственной дорогѣ, которая предо мною лежала. Мой козакъ понесся было за мной, но скоро от-

сталъ отъ моего быстроногаго коня. Я сознавалъ, что подвергаюсь величайшей опасности, мчась одинъ по этой опасной дорогѣ, но въ тоже время мнѣ представлялась увлекательною мысль, что я буду молодцомъ, если одинъ прискачу на слѣдующій постъ именно по этой опасной дорогѣ, и дѣйствительно прискакалъ. Много сильныхъ и справедливыхъ укоровъ досталось мнѣ за этотъ безумный рискъ; тѣмъ не менѣе въ воспоминаніяхъ друзей моихъ имя Бердикелей какъ-то связалось съ моимъ именемъ, какъ будто я открылъ или завоевалъ это мѣсто...

Обращаясь къ серьезной сторонѣ похода, надо сказать, прежде всего, что мы на пути своемъ видѣли блистательное практическое приложеніе той великолѣпной системы вырубки лѣсовъ, о которой мы всѣ такъ часто читали въ Кавказскихъ извѣстіяхъ и реляціяхъ, плохо понимая сущность дѣла. Дѣло въ томъ, что скалы и лѣса всегда были страшными и неодолимыми союзниками и защитниками горцевъ. Отсюда происходило то, что горцы, безпрепятственно пропускаая насъ впередъ, никогда не выпускали

насъ безнаказанно назадъ. Разсѣянные въ дремучихъ лѣсахъ, они и въ маломъ числѣ были страшны, потому что были недоступны, неуловимы и поражали наши войска на выборъ.

Люди опытные, и въ томъ числѣ краснорѣчивый Фадѣевъ, утверждаютъ, что десятокъ невидимыхъ оборвышей останавливалъ цѣлые баталіоны. Кто не знаетъ исторіи Ичнеринскихъ лѣсовъ, изъ которыхъ самъ князь Воронцовъ, съ громадными силами, едва успѣлъ спастись? Отсюда явилась система вырубки лѣсовъ, т. е. проложеніе въ лѣсахъ такихъ просѣкъ, по которымъ наши отряды могли бы безпрепятственно и безопасно двигаться внутрь вражеской страны и также безопасно возвращаться назадъ.

Что дѣлалось по этой части въ другихъ мѣстахъ—не знаю: но что сдѣлано на пути, намъ лежащемъ, всѣ мы видѣли своими изумленными глазами, потому что проходили именно этими баснословными просѣками, шириною на ружейный выстрѣлъ. Зрѣлище, по истинѣ изумительное! Трудно было усвоить себѣ понятіе, что все это сдѣлано руками человѣческими, руками

безпримѣрныхъ кавказскихъ солдатиковъ. Нельзя было понять, что эти вѣковые деревья, ужасающихъ размѣровъ въ вышину и ширину, пали не отъ какой нибудь страшной силы самой природы, а отъ пилы и топора. Надо замѣтить, что по однимъ отзывамъ эти невѣроятные результаты и недешево намъ доставались. Но никакіе великіе успѣхи недостижимы безъ разнородныхъ жертвъ; а потому лучше накинута покрывало на прошедшія наши жертвы и неудачи и возблагодарить Бога, что такъ или сякъ—Онъ помогъ привести дѣло къ концу.

Но въ тотъ моментъ, о которомъ я говорю, до конца было еще далеко, хотя начала, положенныя графомъ Евдокимовымъ, были уже блистательны и обѣщали много въ будущемъ. Въ ряду этихъ началъ, взятіе Веденя, резиденціи Шамиля, того Веденя, къ которому мы подвигались этими невѣроятными просьбами, конечно стояло на первомъ планѣ. Я знаю и помню, какъ это событіе стояло высоко въ глазахъ самаго князя, знаю потому, что еще до взятія Веденя князь уже готовилъ собственноручно благодарственные приказы по арміи; знаю

потому, что князь, въ теченіи нѣсколькихъ дней, съ этими готовыми приказами, постоянно и напряженно ждалъ радостнаго извѣстія о взятіи Веденя, кажется, задержанномъ нѣсколько дождями и распутицей.

Когда мы пришли въ Ведень, это уже была штабъ-квартира Куринскаго полка, а командиромъ его былъ тогда М. И. Чертковъ, нынѣшній наказный атаманъ Донскихъ казаковъ. Мѣстоположеніе Веденя представилось намъ довольно живописнымъ. Сколько могу припомнить, это довольно обширная, продолговатой формы, долина, въ концѣ которой стоялъ замокъ или дворецъ Шамяля. Съ понятнымъ любопытствомъ мы бросились смотрѣть этотъ дворецъ и испытали величайшее разочарованіе: смотрѣть было нечего, потому что ни дворца, ни замка никакого не было; была какая-то груда дикаго камня, имѣвшая форму большой сакли, да и та была на половину разрушена нашими пушечными выстрѣлами. Груда эта оказалась ни къ чему негодною, даже для нашей штабъ-квартиры потому, что она расположилась совершенно на другомъ мѣстѣ и обстроилась на Русскій ладъ. Наше

любопытство гораздо болѣе было удовлетворено многоразличными разсказами о подробностяхъ взятія Веденя.....

Я не помню хорошо порядка дальнѣйшаго нашего слѣдованія. Знаю только, что, приходя на какую нибудь позицію, мы комфортабельно располагались, стояли здѣсь день, два, три и разъѣзжали изъ одной походной части въ другую въ гости къ начальникамъ ихъ и командирамъ, такъ какъ всѣ части занимали огромное пространство, и одна отъ другой располагались иногда на весьма значительное разстояніе. Средоточіемъ разумѣется, былъ штабъ князя. Собственно этотъ штабъ располагался слѣдующимъ образомъ. На самомъ возвышенномъ мѣстѣ ставилась палатка князя, довольно обширная, но неимѣвшая ничего блестящаго, дотолѣ, пока ему не прислали или не подарили какую-то круглую татарскую палатку, составленную изъ безчисленныхъ кусковъ кошмы и обитую внутри шелковою матеріею съ окномъ верху, отъ которой князь сначала отказывался, отдавъ ее въ пользованіе Тромповскаго, но которую потомъ взялъ себѣ. Въ нѣкоторомъ, впрочемъ довольно близкомъ, разсто-

яніи отъ палатки князя, располагалась громаднѣйшая (кажется, лазаретная) палатка, образующая столовую залу для всѣхъ состоящихъ при князѣ которыхъ число простиралось отъ 80 до 100 человекъ. За этою палаткою располагались походныя кухни, повара, прислуга, конвой и т. п. Все это составляло, такъ сказать, главный центръ. Отъ этого центра въ обѣ стороны шли улицы, образуемыя палатками и заселенныя свитою князя и разными лицами, принадлежащими къ штабу. Одна улица, идущая въ правую сторону отъ палатки князя, заключала въ себѣ собственно свиту и, причиняла много безпокойствъ князю, потому что эта веселая улица буквально никогда не умолкала. Первый, ближайшій къ палаткѣ князя пунктъ на этой улицѣ занимался моею палаткою, и отъ нея уже шли палатки другихъ членовъ свиты. Другая улица, идущая отъ палатки князя въ лѣвую сторону, улица, несравненно болѣе благонравная, чѣмъ наша, начиналась палаткою Д. А. Милютина, начальника главнаго штаба, отъ которой шли палатки начальника артиллеріи, начальника инженеровъ

и т. п. Само собою разумѣется, что за главными палатками разныхъ лицъ, шли палатки ихъ прислуги, козаковъ и т. д., такъ что все это въ совокупности составляло значительный городъ. Съ окончаніемъ нашей свитской улицы ставилась палатка графа Евдокимова, отъ которой тянулись палатки различныхъ мѣстныхъ начальниковъ и другихъ чиновъ. Затѣмъ на различныхъ точкахъ, кругомъ главнаго лагеря, располагались разнородныя части войскъ, такъ что куда ни взглянешь кругомъ — всюду палатки. Съ наступленіемъ вечера всё окрестности оглашались музыкою и пѣснями. Потомъ, когда князь пріѣхалъ къ намъ, онъ не одинъ разъ замѣчалъ, что нашъ штабный городъ, по числу палатокъ, долженъ представляться непріятелю самой грозной силой.

Между тѣмъ какъ мы стояли на одномъ мѣстѣ, прокладывались дороги, по которымъ мы должны были пробираться впередъ. Это прокладываніе и устройство дорогъ для нашего пути составляло также предметъ, не лишенный занимательности. Я помню, на одной позиціи мы оставались довольно долго. Прямо отъ этой позиціи под-

нималась совершенно стѣной, громадная гора, и намъ говорили, что мы должны будемъ взбираться на эту гору что казалось дѣломъ рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ одному изъ путейскихъ офицеровъ, старому Кавказцу, Богъ вѣсть когда и какими судьбами туда занесенному, умному и образованному Декроа, поручено было дѣйствительно разработать подъемъ на эту стѣну. Декроа сдѣлалъ то что обыкновенно дѣлають на Кавказѣ при проложеніи горныхъ дорогъ—т. е. безчисленные зигзаги, которыми онъ изрѣзалъ гору и по этимъ зигзагамъ пробилъ узенькую тропиночку, по которой едва, едва могла проходить одна лошадь. Если взять эту гору прямо въ вышину, то разстояніе ея подножія отъ верхушки составитъ, быть можетъ, версту или полторы; устроенные Декроа зигзаги образовали протяженіе верстъ въ десять.

Въ назначенное время мы стали взбираться на эту достопамятную гору, и странно было видѣть змѣинообразное наше восхожденіе. Разумѣется, въ теченіи двухъ или трехъ часовъ, мы безпрерывно вертѣлись почти на одномъ мѣстѣ, такъ что вы постоянно

могли разговаривать съ вашими зна-
комыми, находящимися вверху или
внизу (такъ они были близки отъ
васъ) а между тѣмъ, чтобъ соединить-
ся съ ними, вамъ нужно было пол-
часа или даже часть пути. Это вос-
хождение памятно тѣмъ еще, что мой
сотоварищъ и сотрудникъ Зиссерманъ
подверглся здѣсь величайшей опас-
ности. На одномъ изъ безчисленныхъ
зигзаговъ лошадь его чего-то испу-
галась, повернула въ сторону, и, не
удержавшись на чрезвычайно-узкомъ
пространствѣ дорожки, покати-
лась внизъ и съ Зиссерманомъ. Они кати-
лись довольно долго съ зигзага на
зигзагъ и всѣ ожидали самаго печаль-
наго конца; но какъ всѣ тропинки
заняты были сплошь идущими вверхъ
лошадьми и людьми, то этому только
и Зиссерманъ и конь были обязаны
своимъ спасеніемъ: гдѣ-то внизу на
одномъ изъ поворотовъ ихъ задер-
жали....

Надобно замѣтить, что главная за-
дача этого проложенія дорогъ заклю-
чалась въ томъ, чтобъ пробить въ гор-
ныхъ скалахъ, надъ страшными про-
пастями, какую нибудь тропинку, по
которой можно было бы пробраться

въ одну лошадь, и эта задача не всегда разрѣшалась удовлетворительно. Я уже не говорю о паденіяхъ вьючныхъ лошадей, которыя, невольно ударяясь своими вьюками о скалы, валялись въ кручь. Приведу случай, который былъ предъ моими глазами. Ужъ не помню гдѣ мы поднимались на величайшую крутизну по самой узенькой тропинкѣ, по одну сторону которой стояли отвѣсныя скалы, а по другую виднѣлись бездонныя пропасти. Шли мы въ одну лошадь самымъ осторожнымъ образомъ. Случилось такъ, что впереди меня шелъ Лимановскій (потомъ дежурный генераль Кавказской арміи) впереди его какой-то казакъ и т. д. Вдругъ чрезъ Лимановскаго я замѣтилъ, что казакъ пропалъ, и въ ту же минуту въ пропасть посыпалось съ безконечнымъ шумомъ множество камней. Я былъ убѣжденъ, что съ этими камнями полетѣлъ и казакъ.. Лимановскій мгновенно остановился и соскочилъ съ лошади; я послѣдовалъ его примѣру. Оказалось, что ленточка, по которой мы тянулись, такъ была узка и ненадежна, что лошадь казака проломила ее задними ногами и оборвалась;

но козакъ такъ былъ ловокъ, что онъ успѣлъ не только соскочить съ сѣдла самъ, но и вытянуть за поводья висящую на переднихъ ногахъ лошадь. Нѣсколько мгновений мы съ Лимановскимъ остановились предъ этимъ неожиданнымъ проваломъ; больше раздумывать было нечего, потому что нечего было ожидать, чтобы намъ стали чинить эту дорогу или прокладывать другую или, наконецъ, подали покойные экипажи на лежащихъ рессорахъ; мы перепрыгнули сами чрезъ этотъ провалъ и заставили перескочить нашихъ лошадей, потомъ сѣли на нихъ и продолжали путь, какъ ни въ чемъ не бывало. Такимъ же конечно образомъ поступили и всѣ тѣ, которые слѣдовали за нами.

Есть пословица: «кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился.» Эту пословицу, по всей справедливости, можно было бы приложить къ нашему походу, еслибы не существовало другой пословицы: «на людяхъ и смерть красна.» Эта послѣдняя пословица находила полнѣйшее примѣненіе къ моему личному поведенію во время похода, да безъ сомнѣнія и къ поведенію всѣхъ. Въ слѣдствіе той-

же черты Великороссійскаго характера, о которой я выше говорилъ, послѣ первыхъ, не совсѣмъ пріятныхъ впечатлѣній, которыя производили на меня невообразимыя горы, страшныя пропасти и горныя тропинки, я не только освоился съ ними, но даже производилъ такія штуки, которыя составили мнѣ репутацію смѣлаго человека. Теперь, вспоминая всѣ то, что было и происходило во время похода, я самъ недоумѣваю: неужели это я самъ лично тамъ былъ и дѣйствовалъ именно такъ, какъ дѣйствовалъ? Нѣтъ сомнѣнія, что теперь, еслибы мнѣ обѣщали разомъ десять звѣздъ за то, чтобы я повторилъ все то, что выдѣлывалъ въ походѣ, я уклонился бы отъ этой выгодной сдѣлки. Между тѣмъ въ то время я плавалъ въ разнородныхъ опасностяхъ, какъ рыба въ водѣ. Я не только не испытывалъ чувства какого либо смущенія и робости тамъ, гдѣ никто не робѣлъ и не смущался, но считалъ долгомъ выказать и проявить наибольше презрѣнія къ опасностямъ, наибольше потому именно, что я былъ гражданскій человекъ, и при малѣйшемъ колебаніи съ моей стороны на

меня посыпались бы насмѣшки, и я сдѣлался бы непремѣнно предметомъ различныхъ анекдотовъ, не столько дѣйствительныхъ, сколько вымышленныхъ, для чего въ мірѣ, меня окружавшемъ, имѣлись величайшіе художники.

Отсюда происходило, что и по этимъ горнымъ тропинкамъ я постоянно рыскалъ изъ конца въ конецъ, если только была малѣйшая возможность объѣзжать безконечныя вереницы, по нимъ тянувшіяся. Мое мѣсто было вблизи князя, среди наиболѣе важныхъ лицъ, его окружавшихъ; но я мало имъ пользовался, предпочитая разъѣзжать отъ одного знакомаго къ другому. Казакамъ, которые составляли громадное большинство въ этихъ вереницахъ, я порядкомъ надоѣдалъ. Мнѣ особенно нравилось, объѣзжая ихъ, говорить: «вправо» или «влѣво» и видѣть, какъ по этому слову козаки отступали въ сторону и открывали мнѣ дорогу. Нерѣдко приходилось мнѣ слышать наивныя замѣтки этихъ людей на мой счетъ: «вотъ генералъ непосѣдной» говорили они, или «ну ужъ юркой генералъ! все рѣжетъ то туды, то сюды».

По мѣрѣ нашего движенія впередъ замѣтно становилось, что мы поднимались къ небесамъ. Страшныя, большею частію скалистыя горы, среди которыхъ, казалось, ничего разобрать нельзя было, обступили насъ со всѣхъ сторонъ. Люди знающіе, указывая по сторонамъ, говорили, что это вотъ то, а это вотъ то. Я ничего разобрать и различить не могъ. Повсюду торчали сѣрые пики или вершины горъ, отъ которыхъ вѣяло какою-то страшною дикостью и безжизненностію. Казалось, мы зашли въ какой-то невѣдомый и необитаемый міръ, въ которомъ человѣческому глазу не представлялось рѣшительно ничего жизненнаго.

Первое появленіе страшной высоты, на которую мы взобрались, я замѣтилъ въ томъ, что я лично сталъ испытывать какое-то удушье. Дышать для меня становилось чрезвычайно тяжело, и я уже думалъ, что пріобрѣлъ какую нибудь новую болѣзнь; но доктора, находившіеся въ отрядѣ, увѣрили меня, что это происходитъ отъ сильной разрѣженности горнаго воздуха. Потомъ стали являться болѣе положительные признаки нашего

чрезъ чуръ возвышеннаго положенія: это тучи и облака, плавающія внизу насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я не увижу уже никогда такихъ картинъ, которыя въ то время развертывались предъ моими глазами. Такъ напр. случалось часто, особенно по утрамъ, что все лежащее подъ нами пространство казалось наполненнымъ необъятнымъ количествомъ растрепанной хлопчатой бумаги, сквозь которую рѣшительно ничего нельзя разглядѣть. Это были облака, окружавшія насъ и рассыпавшіяся подъ нами. Случалось также, что въ этой массѣ облаковъ, плавающихъ подъ нами, гремѣлъ громъ и сверкала молнія. Все это поражало меня въ высшей степени, и я чрезвычайно удивлялся, что другіе такъ мало удивляются этимъ невиданнымъ мною и дѣйствительно дивнымъ картинамъ. Доказательствомъ страшной высоты нашего положенія служило и то, что тѣ маленькіе пригорки, которые представлялись намъ внизу, оказывались, когда мы спускались къ нимъ при рекогносцировкахъ, также значительными горами.

Крутизны, которыми мы были постоянно окружены, представляли ужа-

сающій видъ. Козацкія и вьючныя лошади, пущенныя на пастьбу съ стреноженными ногами, взбираясь осторожно вверхъ или спускаясь внизъ, казались едва замѣтными точками, меньше барановъ. Однажды, сидя у своей палатки, я видѣлъ, какъ одна изъ этихъ несчастныхъ лошадей оступилась, покатила съ страшной высоты, почти по отвѣсной горѣ, внизъ и осталась на мѣстѣ. Вообще о какой нибудь площадкѣ, ровномъ, хотя небольшомъ пространствѣ, мы забыли и думать.

Въ время пребыванія нашего на этихъ возвышенностяхъ мы большею частію испытывали чувство холода, такъ что для Фадѣева, прибывшаго потомъ въ нашъ лагерь, изъ отряда барона Врангеля, не было болѣе высшаго наслажденія, какъ поставить самоваръ, внести его въ мою палатку и закрыть ее со всѣхъ сторонъ. Часто поднимались свирѣпѣйшіе вѣтры, и для противудѣйствія ихъ неистовымъ порывамъ, палатка князя обставлялась вплотную, другъ къ другу, солдатами, которые такимъ образомъ и удерживали ее. Многія изъ другихъ палатокъ просто срывались и уноси-

лись вѣтромъ, обнажая весь внутренній быть ихъ владѣтелей.

Само собою разумѣется, что наши позиціи располагались на такихъ мѣстахъ, гдѣ была вода. Но по этой части горы были крайне скудны, и вода большею частію добывалась изъ ключей и родниковъ. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ мы видѣли великолѣпныя озера съ такимъ обиліемъ великолѣпной форели, что, по выраженію князя, солдаты ловили ее «портками.» Картина этихъ озеръ была великолѣпна. Такъ и видно было, что если мы любуемся ихъ чистотою и прозрачностію, то и они сами какъ будто не мало удивлены нашимъ нежданнымъ нашествіемъ; видно было, что отъ сотворенія міровъ ихъ чистыя воды не осквернялись прикосновеніемъ человѣка, такъ какъ кругомъ не было никакихъ ауловъ. Собственно рѣку, или лучше сказать, маленькую горную рѣчку я только видѣлъ одну и не только видѣлъ, но даже купался въ ней. Я помню, лагерь нашъ расположился на горѣ. Скоро стало извѣстно, что вблизи, въ двухъ или трехъ верстахъ, внизу есть какая-то рѣчка. Страшный охотникъ купаться, я тотчасъ

отправился съ моимъ камердинеромъ отыскивать ее. Поиски наши продолжались недолго. Мы увидѣли не рѣку, въ русскомъ смыслѣ слова, а маленькій, горный и потому сердитый ручеекъ, въ которомъ мнѣ и уложиться было трудно. Увлеченный однакоже ожидаемымъ наслажденіемъ погрузиться въ холодныя струи, я рѣшился все таки совершить мое купанье, во что бы то ни стало. Раздѣвшись, я уложился въ ручей сначала однимъ бокомъ, потомъ другимъ, потомъ спиной и т. д. Во время этой операціи, на противоположномъ берегу стояло нѣсколько туземныхъ оборвышей въ косматыхъ шапкахъ, съ винтовками за спиной и смотрѣли на мои переворачиванія. Когда я возвратился въ лагерь и рассказалъ объ этихъ молчаливыхъ свидѣтеляхъ моего купанья товарищамъ, мнѣ сначала не хотѣли вѣрить; а когда повѣрили, стали упрекать меня за мое безразсудство, которое могло очень дурно кончиться, и удивительно, что не такъ кончилось: потому что для горца нѣтъ выше удовольствія, да удовольствія еще священнаго, какъ подстрѣлить гяура.

Кстати о горцахъ. Я рѣшительно не знаю, въ какихъ отношеніяхъ они находились къ намъ въ этотъ моментъ. Замѣтно было, однакоже что въ слѣдствіе взятія Веденя, нѣкоторые ближайшіе племена или аулы рѣшились сдержать свои враждебныя дѣйствія. Объ этомъ я заключаю потому, что меня не застрѣлили во время купанья моего, а еще болѣе потому, что на нѣкоторыхъ пунктахъ нашихъ переходовъ близъ Веденя и преимущественно въ палаткахъ нашего знаменитаго маркитанта Лебедева, которыхъ мы не оставляли постоянными нашими посѣщеніями, насъ окружали иногда толпы туземныхъ горцевъ (мирныхъ или немирныхъ, это я уже плохо знаю). Въ желаніи привлечь ихъ окончательно на нашу сторону гражданскими дѣйствіями, я обильно осыпалъ ихъ различными сластями, которыя Лебедевъ, вмѣстѣ съ другими припасами, передвигалъ въ огромныхъ количествахъ. Помню очень хорошо, что они относились къ этимъ сластямъ съ величайшимъ недовѣріемъ, такъ что я долженъ былъ самъ все это ѣсть предъ ихъ глазами для удостовѣренія, что тутъ нѣтъ ни-

какой отравы. За всѣмъ тѣмъ, однакоже, не возможно было истребить ихъ подозрительности. Когда одни, по видимому, рѣшались рискнуть, другіе начинали на нихъ шумѣть по татарски и удерживали ихъ. Такимъ образомъ мои гражданскіе опыты окончательнаго умиротворенія этихъ людей оказались неудачными, такъ что, подъ вліяніемъ нѣкоторой досады, я спрашивалъ всѣхъ: «что же это за народъ? мирной или немирной?» — «А чортъ его знаетъ!» отвѣчали мнѣ «сегодня мирной, среди нашихъ штыковъ; а завтра, если придется, отлично зарѣжетъ cadaго изъ насъ!»

Наконецъ наступилъ день прибытія князя въ нашъ лагерь. Уже не помню, на какой позиціи это было; помню только, что мѣстоположеніе было неблагопріятно и изобиловало въ особенности какими-то буграми и пригорками. Встрѣча князя была великолѣпна. Войскъ сосредоточено было на этой позиціи весьма много. Съ ранняго утра все пришло въ движеніе и стало располагаться на назначенныхъ мѣстахъ. Длинныя линіи войскъ, разставленные по неровной мѣстности, представляли оригиналь-

ную картину, слишкомъ различную отъ тѣхъ, какія представляютъ намъ всевозможные Петербургскіе парады. Вся свита, къ которой и я былъ примкнутъ, имѣла свое отдѣльное мѣсто и старалась, елико можно, выравниваться, что представляло не малый трудъ потому, что наши кабардинскіе кони не очень-то способны были сохранять стройное и почтительное положеніе. Ожиданіе, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, длилось долго. Наконецъ изъ-за безчисленныхъ бугровъ и пригорковъ стали показываться несущіеся во весь опоръ передовые всадники, а за тѣмъ появился и самъ князь съ своимъ значкомъ и своимъ конвоемъ.

Я не могу удержаться, чтобъ не сказать для людей, конечно, мало знакомыхъ съ военнымъ бытомъ на Кавказѣ, что значокъ — вещь великолѣпная! Это какое-то личное знамя, которое всегда слѣдуетъ за тѣмъ, кому оно принадлежитъ. Такимъ образомъ этотъ значокъ былъ не только у князя, но и у графа Евдокимова и у многихъ другихъ значительныхъ лицъ. Я не знаю, опредѣлено ли закономъ, кто можетъ имѣть эти значки и кто

не можетъ; не знаю даже, составляютъ ли они исключительную принадлежность Кавказа, или употребляются въ другихъ мѣстахъ; но дѣло въ томъ, что во время нашего похода я видѣлъ много и у многихъ—этихъ значковъ, которые напоминаютъ что-то рыцарское. Само собою разумѣется, что у князя былъ наивеликолѣпнѣйшій значокъ. Это было большое знамя, вышитое и разшитое золотомъ и серебромъ, среди котораго изображенъ былъ родовой княжеской гербъ князя. Это знамя вѣчно развѣвалось среди группы, сопровождавшей князя. У другихъ эти значки, конечно, были менѣе роскошны и представляли или также родовые гербы или другія эмблематическія изображенія. Именно по этимъ значкамъ можно было узнать на далекомъ разстояніи, кто именно ѣдетъ, ибо развѣвающееся знамя и находящееся на немъ изображеніе тотчасъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ.

Громогласное: ура! встрѣтило появленіе князя. Среди этихъ кликовъ князь объѣхалъ ряды войскъ въ сопровожденіи различныхъ генераловъ и свиты, къ нему примкнувшихъ и потомъ сталъ на возвышенное мѣсто, заблаго-

временно избранное. Съ этого мѣста, снявъ фуражку, князь сталъ говорить войскамъ, что самъ Государь велѣлъ ему благодарить ихъ за отличную службу, что Государь надѣется, что, сдѣлавъ такъ много, они въ досталь покорять горы и т. п.

Здѣсь я позволяю себѣ замѣтить, что, читая часто въ заграничныхъ извѣстіяхъ, что такой-то король или такой-то ораторъ говорилъ то-то и то-то народу или читая различныя исторіи, изображавшія, какъ такой-то полководецъ воодушевиль своею рѣчью войска и т. п., я всегда недоумѣвалъ, какъ это дѣлается на практикѣ! Недоумѣніе это было для меня тѣмъ мучительнѣе, что я самъ нѣкоторымъ образомъ принадлежалъ къ числу публичныхъ говоруновъ, недавно появившихся въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Одаренный отъ природы крѣпкимъ и здоровымъ голосомъ, я поопыту зналъ, что даже въ залѣ, густо набитой слушателями, трудно говорить такъ, чтобы и задніе ряды могли слушать внятно всѣ слова оратора! Какимъ же образомъ всѣ эти короли и полководцы могли воодушевлять своихъ слушателей, которыхъ уже было

не сотни, а тысячи, и когда они размѣщались не въ залѣ какой нибудь, какъ бы ни была она обширна, а на поляхъ и долахъ? Поэтому я съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидалъ, не разрѣшить ли моихъ неодумѣнной рѣчи, обращенная княземъ къ войску. Увы! сколько князь ни махалъ своей фуражкой—солдаты ничего не слышали и не понимали. Услыхали только: ура! раздавшееся въ группѣ, окружавшей князя и во слѣдъ ему какъ-то безсознательно и вяло стали кричать свое: ура! Князь тотчасъ все это понималъ и потому мгновенно разослалъ во всѣ концы своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ объявить солдатамъ, что самъ Государь ихъ благодарить. Тогда, конечно, по рядамъ войскъ понеслось болѣе сознательное, болѣе рѣшительное и болѣе крѣпкое новое: ура! Когда крики эти стихли, началось такъ называемое церемониальное прохожденіе всѣхъ войскъ мимо князя. Оно было похоже на всѣ подобныя упражненія этого рода съ тѣмъ только различіемъ, что видъ солдатъ, уступая во внѣшнемъ изяществѣ гвардейскимъ солдатамъ, далеко превосходилъ ихъ со стороны моло-

дечества, со стороны безконечной отваги, которая, прежде всего, кидалась въ глаза на смуглыхъ, загорѣлыхъ фizioноміяхъ Кавказцевъ. Для меня всего удивительнѣе было видѣть въ этихъ стройныхъ рядахъ какую-то далеко неизящную толпу грязныхъ оборвышей, въ какихъ-то длинныхъ балахонахъ, съ огромными папахами на головахъ, съ клочьями бараньей шерсти, спускающимися отъ папахъ на ихъ и безъ того непривлекательныя фizioноміи! Это были такъ называемые охотники Кабардинскаго полка, впервые, учрежденные княземъ во время командованія имъ этимъ полкомъ. Главная обязанность этихъ охотниковъ состояла въ томъ, чтобъ одичать, насколько можно, шляться по лѣсамъ и подстрѣливать горцевъ, какъ дичь, всюду, гдѣ только можно. Въ этихъ оборванныхъ и страшныхъ фигурахъ, когда они проходили предъ княземъ, менѣе всего можно было узнать Русскихъ солдатъ.

По окончаніи парада, князь, а за нимъ все знатное и значительное направились къ той громадной столовой палаткѣ, о которой я говорилъ и въ которой, на этотъ разъ, приготовленъ

былъ общій парадный обѣдъ. Предназначалось что и князь будетъ съ нами обѣдать; но онъ пріѣхалъ къ намъ полубольной: подагра снова начинала къ нему придираяться, и потому онъ обѣдать съ нами не могъ, хотя оставался все время въ этой палаткѣ и, уложивъ покойно свои больныя ноги въ извѣстномъ положеніи, продолжалъ переговаривать то съ тѣмъ, то съ другимъ.....

Съ прибытіемъ князя въ нашъ лагерь, начались усиленные рекогносцировки дальнѣйшей мѣстности. Начинались они съ самаго ранняго утра, часовъ въ пять и часто продолжались до пяти часовъ вечера, такъ что люди совершенно изнемогали, а лошади у многихъ козаковъ и у свитскихъ или просто падали, или становились въ тупикъ и не доходили до мѣста.... Отличительный характеръ этихъ поѣздокъ состоялъ въ томъ, что мы непрерывно поднимались на скалы и спускались съ нихъ въ пропасти и ущелья. Непріятеля мы мало видѣли, на что ужасно злобствовали мои воинственные друзья, жаждавшіе подраться; изрѣдка только, гдѣ нибудь, въ отдаленіи, покажется непріятельскій

пикетъ и скоро скроется. Замѣчательной чертой этихъ путешествій можно считать то, что, почти постоянно находясь между скалъ и пропастей, т. е. предъ зубами смерти, мы почти не имѣли никакихъ несчастій, а если что и было, то такъ ничтожно, что и упоминать не стоитъ.

Лично я только разъ задумался надъ вопросомъ: останусь ли живъ или умру? При одной изъ подобныхъ поѣздокъ, спустившись съ нашей возвышенной позиціи, мы должны были переходить какую-то топкую ложбину. Я шелъ вблизи князя, рядомъ съ гр. Евдокимовымъ. Предъ нами очутилось что-то въ родѣ канавы или рва. Гр. Евдокимовъ спокойно повернулъ свою лошадь и объѣхалъ это памятное мнѣ мѣсто. Я поѣхалъ прямо и, по манежнымъ правиламъ желая предупредить свою лошадь объ этой канавѣ, прибралъ поводья, и нѣтъ сомнѣнія, что этимъ испортилъ все дѣло. По общимъ отзывамъ знатоковъ и линейныхъ козаковъ, при всѣхъ опасныхъ переходахъ, какого бы свойства они ни были, самое лучшее средство для исполненія ихъ—дать туземной лошади полнѣйшую свобо-

ду. Я нарушилъ это правило и порядкомъ поплатился за то. Едва я подобралъ поводья, какъ въ тотъ же моментъ лошадь моя передними ногами провалилась въ эту яму. Мнѣ предстояло перелетѣть чрезъ ея голову и запутавшись въ стремянахъ представить довольно драматическое зрѣлище; но я удержался и висѣлъ, такъ сказать, надъ лошадиною головою. Все это однакоже продолжалось одно мгновеніе. Сильная лошадь быстро рванулась всѣмъ передомъ изъ канавы, и я получилъ при этомъ движеніи сильнѣйшій ударъ въ грудь. Въ гласахъ потемнѣло, дыханіе стѣснилось, и тутъ то я подумалъ: конечно! Еслибы ударъ этотъ нанесенъ былъ головою лошади—дѣйствительно все было бы кончено; но къ счастью лошадь ударила меня только своею шеею. Безсознательно я отбѣхалъ въ сторону и ждалъ, что будетъ. У меня до такой степени захватило духъ, что я слова произнести не могъ, такъ что всѣ проносились мимо меня, рѣшительно ничего не замѣчая. Чрезъ нѣсколько секундъ или минутъ я почувствовалъ возможность дышать и хотя грудь страшно ломи-

ло, но я видѣлъ, что обстановка, въ которой я находился, исключала всякую мысль о какихъ либо нѣжныхъ и попечительныхъ пособіяхъ. Всѣ неслись, какъ угорѣлые. и мнѣ рѣшительно ничего не оставалось, какъ нестись за ними, предоставивъ остальное на волю Божию. Дѣло кончилось такъ хорошо, что на обратномъ пути я уже рѣшительно не чувствовалъ никакихъ послѣдствій этого случая.

Послѣ этихъ рекогносцировокъ и передвиженій съ одной позиціи на другую, мы прибыли наконецъ на позицію, которая на моихъ официальныхъ бумагахъ, называлась: «на Андійскихъ высотахъ близъ аула Тандо.» На этой позиціи мы стояли долго, и на ней собственно совершилось покореніе Восточнаго Кавказа; а потому и я долженъ посвятить ей большую часть моихъ воспоминаній.

Прежде чѣмъ мы окончательно заняли эту позицію, мы предварительно обозрѣвали ее разъ или два. Изобразить ее со стороны природы едва ли въ состояніи самое искусное перо. На этой-то преимущественно позиціи мы видѣли плавающія внизу облака и грозы, въ нихъ разражавшіяся. Съ

высотъ, на которыхъ мы стояли, въ лѣвую сторону виднѣлся безконечный рядъ скалистыхъ, сѣрыхъ, какихъ-то безжизненныхъ вершинъ. Люди знающіе и опытные, показывая на эти вершины, говорили, что тамъ находятся какія-то Андійскіе ворота; тамъ же находится мѣсто или аулъ, кажется, «Ичичали,» а въ немъ стоитъ самъ Шамиль съ своими мюридами и пушками. Для неопытнаго глаза ничего ни понять, ни разглядѣть было невозможно: все сливалось въ какую-то сѣрую мглу, въ сѣдой туманъ, въ которомъ прорѣзывались безчисленные горные, пики. Въ правую сторону отъ насъ, на первомъ планѣ, далеко внизу, виднѣлся аулъ Тандо, за нимъ ровная по видимому плоскость, потомъ берега Андійскаго Койсу, бѣшеной горной рѣки, а за нимъ лагерь сына Шамиля, немногія палатки котораго и происходившее тамъ движеніе составляли предметъ особенныхъ наблюденій съ нашей стороны. Прямо предъ нами, внизу, открывалась необозримая долина, съ нѣкоторыми пригорками, оказавшимися въ послѣдствіи, когда мы спускались туда, тоже большими горами.

Я помню очень хорошо день занятія этой позиціи. Когда мы пришли къ ней, князь сошелъ съ лошади и сѣлъ на краю возвышенности. Его примѣру послѣдовали всѣ. Посредствомъ зрительныхъ трубъ найдено было, что лежащій внизу аулъ Тандо не очищенъ еще жителями, и потому князь приказалъ немедленно занять его. Начальникомъ дѣйствующихъ войскъ считался въ этотъ моментъ баронъ Николай, братъ статскаго барона Николаи, нынѣ генераль-адъютантъ. Занятіе аула представлено было Кабардинскому полку, части котораго немедленно и отправились внизъ. Всѣ мы, расположенные на обрывахъ возвышенности, сидѣли, какъ въ партерѣ и ожидали занятія аула, какъ ожидаютъ въ театрѣ начала какого нибудь спектакля. Само собою разумѣется, что для меня это ожиданіе было исполнено наибольшаго интереса въ слѣдствіе самой новости подобныхъ дѣлъ. Ожиданіе наше длилось очень долго, потому что самый спускъ, по которому шли наши войска, оказался необъятнаго протяженія. Вдругъ сдѣлалось замѣтнымъ величайшее движеніе въ ау-

лѣ; стали раздаваться выстрѣлы, постепенно учащаясь. Я помню, что я былъ очень удивленъ звукомъ этихъ выстрѣловъ: отъ свойства ли горной атмосферы, или отъ устройства винтовокъ—звукъ этотъ вовсе не походилъ на звукъ нашихъ обыкновенныхъ выстрѣловъ; это былъ скорѣе какой-то деревянный стукъ, сухой и короткій. Прислушиваясь къ этому стуку, я понялъ, почему на Кавказѣ, говоря о горцахъ, вмѣсто напр. «начали стрѣлять» говорятъ: «застукали», или вмѣсто: «застрѣлили» говорятъ: «устукали». Стукотня эта была, впрочемъ, непродолжительна; прежде нежели мы могли замѣтить приближеніе нашихъ войскъ (скрываемыхъ извилинами спуска) къ аулу, мы увидѣли, что изъ аула потянулись конныя партіи горцевъ, продолжая стрѣлять назадъ, кажется, больше для собственнаго удовольствія, чѣмъ для дѣйствительной пользы. Такое поспѣшное отступленіе рѣшительно разочаровало насъ, ожидавшихъ видѣть зрѣлище свалки; но оно тотчасъ объяснилось, когда мы увидѣли фигуры той охотничьей команды Кабардинскаго полка, о которой я говорилъ, захо-

дившія съ обѣихъ сторонъ аула на значительномъ отъ него разстояніи; этотъ обходъ, по видимому, и заставилъ горцевъ убираться по добру, по здорову.

Когда такимъ образомъ аулъ занятъ былъ нашими войсками, князь потребовалъ коня, сѣлъ на него и сталъ спускаться къ аулу. Разумѣется, его примѣру послѣдовали всѣ. Я никогда не забуду этого достопамятнаго спуска. Онъ превосходилъ все, что мы до тѣхъ поръ видѣли и проходили. Начать съ того, что онъ тянулся, какъ говорили, пять верстъ. Крутизну онъ представлялъ невообразимую. Лошади, спускаясь, положительно садились назадъ. Всадники предоставляли себя Богу, да ловкости коня. Къ этому надобно прибавить, что дорога по этому спуску представляла почву изрытую, обрывистую, усѣянную громадными камнями, такъ что лошади почти на каждомъ шагу должны были преодолевать эти препятствія. Но что всего было отвратительнѣе—это то, что спускъ этотъ не имѣлъ прямой линіи внизъ, а непрерывно извивался и загибался. Спускаясь напр. съ одного поворота, ждешь,

когда онъ кончится, въ надеждѣ, что за поворотомъ дорога будетъ лучше. Повернулъ и обомлѣлъ! Еще круче, еще хуже.

Я помню, когда пріѣхалъ въ нашъ лагерь остроумный Ч—евъ, князь нѣсколько разъ выражалъ желаніе, чтобы онъ также участвовалъ въ рекогносцировкахъ, которыя разумѣется, должны были начинаться съ этого милаго спуска. Надо замѣтить, что Ч—евъ природный Грузинъ, слѣдовательно природный ѣздокъ, хотя уже немножко отяжелѣвшій и отвыкшій отъ джигитскихъ замашекъ. Онъ нѣсколько разъ порывался исполнить желаніе князя и спуститься внизъ, но каждый разъ возвращался съ дороги и выдумывалъ для представленія князю различные уважительные предлоги; въ дружеской же бесѣдѣ чрезвычайно остро и забавно рассказывалъ дѣйствительныя причины, заставлявшія его возвращаться. «Это чортъ знаетъ, что такое!» говорилъ онъ между прочимъ, «развѣ можно порядочнымъ людямъ ѣздить по такимъ дорогамъ? Постоянно висишь надъ пропастью, а подъ ногами камень на камнѣ. Думаешь вотъ поверну—пой-

детъ ровно. Не тутъ то было: еще хуже! Можетъ быть-за новымъ поворотомъ будетъ лучше: еще хуже! Я думаю, что черти въ адъ спускаются покойнѣе. Нѣтъ, слуга покорный! Если Шамяля суждено поймать — поймають и безъ меня. А я по пусту, изъ одной любви къ искусству, головы ломать не намѣренъ!» и т. п.

Но я по этому спуску въ тотъ моментъ, о которомъ говорю, ѣхалъ въ первый разъ, подлѣ самого князя, и само собою разумѣется, что мысль о возвращеніи не могла мнѣ и въ голову придти уже потому, что исполненіе ея покрыло бы меня вѣчнымъ позоромъ. Князь ѣхалъ спокойно и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ моя лошадь спускалась на хвостѣ. Всеу бываетъ конецъ; былъ конецъ и этому спуску. Мы въѣхали въ занятой аулъ по узенькой извивающейся улицѣ и въ слѣдъ за княземъ вошли на какую-то башню или крѣпость, съ которой открывался обширный видъ. Свитскіе товарищи мои недолго, однакоже, наслаждались этимъ видомъ и потребовали у меня открытія на пользу общую всѣхъ моихъ запасовъ. Мы спустились съ башни и дружно при-

нялись за поиски моего козака, у котораго находился мой подвижной запасный магазинъ. Когда козакъ былъ отысканъ, мы расположились на берегу какого-то ручья и такъ дружно занялись своимъ завтракомъ, что даже прозѣвали жаркую схватку, происшедшую на противоположной сторонѣ аула. Дѣло въ томъ, что когда князь находился на башнѣ, противъ нея, въ отдаленіи, показалась партія конныхъ горцевъ. Преслѣдовать и разсѣять ее предоставлено было какому-то туземному полку или отряду, недавно предъ тѣмъ въ чемъ-то провинившемуся. Нашъ конный отрядъ, чтобы смыть лежавшее на немъ пятно, яростно кинулся на вражескую партію и быстро разсѣялъ ее, при чемъ было убито нѣсколько человѣкъ. Дѣло было исполнено такъ мгновенно, что не только мы, бывшіе въ отдаленіи и углубившіеся въ свои спеціальныя занятія, но и многіе другіе ничего не видали.

Обозрѣвъ открывающуюся изъ этого аула мѣстность, князь потянулся назадъ, а за нимъ двинулась и безконечная вереница, составлявшая его хвостъ. Подъемъ былъ столь же уто-

мителенъ, сколько и скученъ только съ другой стороны: если при спускѣ вы должны были, во избѣжаніе удовольствія полетѣть чрезъ голову лошади, ложиться ей на спину, то при подъемѣ вы должны были держаться за гриву лошади, чтобъ не съѣхать съ сѣдла назадъ. Поднявшись, мы расположились: «на Андійскихъ высотахъ, близъ аула Тандо».

На этой позиціи, какъ я сказалъ уже, мы стояли весьма долго. Замѣтно было, что здѣсь совершались важныя военныя соображенія, ожидалось извѣстія изъ другихъ отрядовъ, велись переговоры, дѣлались окончательныя предположенія.....

Что подѣлывалъ, между тѣмъ, мой спутникъ и сподвижникъ Зиссерманъ? Ему поручены были занятія верблюдами. «Какъ верблюдами?» восклицаетъ изумленный читатель. „Да также“ отвѣчаю я. Дѣло въ томъ, что въ началѣ похода какое-то общество, народъ или племя предложило на общую пользу, бесплатно, нѣсколько верблюдовъ съ такимъ впрочемъ условіемъ, что если верблюдъ падетъ во время похода, то въ этомъ случаѣ за него должно быть выплачено жертвовате-

лямъ 50 р. Для какихъ именно надобностей могли быть употреблены эти верблюды—я не знаю; но только мы видѣли на нашихъ позиціяхъ, что эти неуклюжія животныя съ длинными шеями, съ огромными горбами какъ то уныло бродили или стояли по окрестнымъ скаламъ. Скоро мы стали видѣть трупы этихъ животныхъ. Они начали падать! Соображенія о причинахъ этого падежа были чрезвычайно разнообразны. Одни утверждали, что они не способны переносить горныхъ походовъ; другіе—что въ скалахъ они не находятъ достаточной пищи; большинство же было такого мнѣнія, что мошенники татары, предложившіе ихъ для похода, съ уплатою за cadaго павшаго верблюда по 50 руб., нашли въ этомъ весьма выгодную спекуляцію и по всей вѣроятности поручили приставленнымъ къ нимъ погонщикамъ скорѣе переморить ихъ, чтобъ скорѣе получить слѣдующія за нихъ деньги.

Между тѣмъ князь, по прибытіи въ нашъ лагерь, обратилъ на этотъ предметъ самое ближайшее вниманіе и занялся верблюдами съ обычною энергіею. По видимому онъ хотѣлъ

разрѣшить положительнымъ образомъ задачу о годности верблюдовъ для горныхъ кавказскихъ походовъ. Въ сотрудники по разработкѣ этой задачи онъ взялъ именно Зиссермана. Явились откуда-то брошюры объ участи верблюдовъ въ военныхъ передвиженіяхъ по Алжиру; составлялись извлеченія изъ этихъ брошюръ, писались спеціальныя инструкціи объ уходѣ за верблюдами; наконецъ избранъ былъ одинъ изъ офицеровъ для ближайшаго попеченія надъ ними, который постоянно являлся съ докладами къ Зиссерману о состояніи ихъ здоровья. Но увѣ! чѣмъ болѣе самъ князь, Зиссерманъ и этотъ офицеръ, ближайшій ихъ попечитель, старались объ улучшеніи судьбы несчастныхъ верблюдовъ, тѣмъ сильнѣе они падали. Каждое утро, выходя изъ своихъ палатокъ, мы привыкли уже смотрѣть въ мѣсто расположенія верблюдовъ и всегда замѣчали новые трупы. Громадныя трупы этихъ громадныхъ животныхъ чрезвычайно рельефно вырисовывались на окрестныхъ возвышеніяхъ и отмѣчали, такъ сказать, слѣды нашего шествія впередъ. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что всѣ

верблюды передохли, и Зиссерманъ остался безъ дѣла, до тѣхъ поръ, пока военныя событія или, лучше сказать, начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа не представило ему въ высшей степени интересныхъ матеріаловъ для тѣхъ писемъ, которыя онъ стѣлъ высылать изъ похода въ редакцію Петербургскихъ газетъ и которыя, сколько извѣстно, читались въ свое время съ величайшимъ любопытствомъ.

III.

Начавшееся покореніе Восточнаго Кавказа! Я по истинѣ затрудняюсь, съ какой стороны приступить къ этому важному событію. Чуждый всѣхъ военныхъ соображеній и обстоятельствъ, изъ которыхъ создано это покореніе, я, само собою разумѣется, не могу имѣть ни малѣйшей претензіи разсматривать это событіе именно съ этой серьезной стороны. Да эта сторона, во первыхъ, не была бы мнѣ подъ силу ни въ какомъ случаѣ, а во вторыхъ она уже разработана болѣе или менѣе во всевозможныхъ реляціяхъ и официальныхъ донесеніяхъ.

По этому мнѣ кажется, что я поступлю лучше, если, не становясь на ходули, буду просто разказывать только то, что видѣлъ и слышалъ, съ сохраненіемъ единственнаго условія, положеннаго мною въ основаніе моихъ разказовъ: не допускать ни одного слова сочиненнаго.

Продолжая оставаться на позиціи, называвшейся «Андійскими высотами, близъ аула Тандо», князь много разъ спускался съ этихъ высотъ, обозрѣвалъ внизу лежащую мѣстность и даже избралъ на ней пунктъ для нашего укрѣпленія, которое 6 Августа дѣйствительно было заложено и названо «Преображенскимъ». Мы, свитскіе, мало останавливались надъ вопросомъ: почему мы не двигаемся дальше? За Андійскимъ Койсу, по прежнему, виднѣлся лагерь сына Шамиля и оставался въ томъ же недвижимомъ положеніи, какъ и нашъ лагерь. Замѣтно было, впрочемъ, какъ я сказалъ уже, что въ высшихъ сферахъ что-то обдумывается, соображается, что-то ожидается. Передъ палаткою князя, по прежнему, стояли зрительныя трубы всевозможныхъ размѣровъ, направленные въ ту сторону, гдѣ,

по слухамъ и разсказамъ, стоялъ самъ Шамиль съ своими мюридами и своими пушками. Люди опытные, умѣющіе обращаться съ этими трубами, часто смотрѣли въ нихъ и разсказывали, что они видѣли. Я тоже много разъ принимался смотрѣть въ эти трубы, но кромѣ неба да горъ никогда ничего не умѣлъ замѣтить, не смотря на многоразличныя наставленія, которыми меня осыпали.

Я очень живо помню одно, истинно-прекрасное, утро, когда я вмѣстѣ съ другими находился близъ палатки князя. Князь, замѣтивъ меня въ толпѣ свитскихъ, сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я приблизился къ нему.

«Ну батюшка», весело и таинственно сказалъ мнѣ князь, «я скажу вамъ славную вещь; только смотрите, не говорите никому. У Шамиля революція! Онъ бѣжалъ. Ну ступайте, да Бога ради не разболтайте!» По правдѣ сказать, я плохо понялъ, въ чемъ тутъ дѣло; тѣмъ не менѣе мнѣ очень пріятно было видѣть, съ одной стороны, что князь спѣшилъ подѣлиться со мной радостными извѣстіями, а съ другой, что дѣла приняли такой блестящій оборотъ. Оказалось,

что изъ мѣста, гдѣ находился Шамиль, явилось въ нашъ лагерь нѣсколько горскихъ старшинъ или начальниковъ. Объявивъ, что Шамиль бѣжалъ, они сказали, что сами драться не хотятъ и просили взять оставленные Шамилемъ пушки. Это извѣстіе принято въ нашемъ лагерѣ съ нѣкоторымъ недоувѣріемъ, и потому этимъ подозрительнымъ парламентамъ графъ Евдокимовъ объявилъ, что теперь отправлять наши войска за пушками неудобно, и что они, старшины, возвратясь къ своимъ мѣстамъ, должны охранять эти пушки до того времени, когда наши отряды придутъ туда. Впрочемъ всякія сомнѣнія въ этомъ отношеніи скоро разсѣялись при посредствѣ азіатовъ, находившихся въ нашемъ лагерѣ, которые изслѣдовали ближайшимъ образомъ это важное событіе и подтвердили несомнѣнность его къ общей нашей радости. Я впрочемъ не вѣрно выразился, назвавъ нашу радость общею. Свитскіе пріятели мои, напротивъ, начали бранить и Шамиля и мюридовъ его за то, что они бѣгутъ безъ боя и тѣмъ лишаютъ военную молодежь возможности подраться и нахватать побольше крестовъ.

Старые Кавказцы утверждают, что горскіе народы чрезвычайно воспріимчивы, и что какъ воинственное, такъ и мирное настроеніе мгновенно обхватываетъ всѣ племена. Такъ было и здѣсь. Съ бѣгствомъ Шамиля, какъ будто уничтожилась плотина, удерживавшая горцевъ отъ шумнаго проявленія ихъ мирныхъ заявленій. Все ринулось въ нашъ лагерь съ заявленіями покорности. Каждый день являлись къ князю различныя общества съ своими старшинами и наибами. Имена многихъ изъ этихъ наибовъ были знамениты по тѣмъ битвамъ, въ которыхъ они рѣзались съ нашими войсками. Для свиты и штаба князя ежедневно совершались самыя любопытныя, занимательныя спектакли. Толпы офицеровъ тѣснились, чтобъ взглянуть на какого нибудь «Кибить-Магому» извѣстнаго давно своею безпримѣрною храбростію и наиболѣе ожесточенными схватками съ нашими отрядами. Князь торжественно, окруженный блестящею свитою, появлялся предъ этими представителями племенъ и ауловъ и говорилъ имъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ. Среди каждой прибывающей толпы

непремѣнно находился туземный ораторъ; послѣ словъ князя, онъ выдвигался впередъ и торжественно, съ особыми жестами и особенною интонаціею, говорилъ много и долго. Замѣтно было, что сотоварищи его слушали его съ уваженіемъ и нѣкоторымъ благоговѣніемъ. Сущность этихъ рѣчей относилась, разумѣется, къ преданности и вѣрности ихъ нашему Государю. Эту сущность наши переводчики передавали князю, который, милостиво отпуская одни толпы, тѣмъ же порядкомъ принималъ другія. Послѣ торжественнаго представленія князю, толпы эти разсѣвались по нашему лагерю и большею частію или садились въ кружки и что-то тихо толковали, сомкнувъ свои головы внутрь круга, или разъѣзжались по лагерю и продавали нашимъ свои окровавленные кинжалы и другое оружіе и даже лошадей.

Видъ этихъ людей, вѣра бывшихъ нашими страшными и злѣйшими врагами, не производилъ на насъ особеннаго впечатлѣнія. Какъ и во всѣхъ толпахъ, были фizioноміи истинно звѣрскія; но были личности и милѣйшія. Общій характеръ этихъ фizio-

номій сильно смахивалъ на птичій: особенно вострые и немного загнутые носы чрезвычайно походили на клювъ орла. Мы старались быть всевозможно-любезными съ этими господами и братались съ ними. Я какъ теперь вижу предъ собою молодаго, чрезвычайно красиваго и чрезвычайно симпатичнаго человѣка съ такими пріятными и мягкими манерами, съ такимъ милымъ выраженіемъ въ лицѣ, что какъ-то не вѣрилось, чтобъ онъ могъ участвовать въ свирѣпыхъ битвахъ и рѣзать людей. Однакоже знаки многочисленныхъ ранъ, которые онъ намъ показывалъ, доказывали, что его видимая нѣжность не мѣшала ему обращаться, когда надо было, въ ожесточеннаго врага нашего. Къ счастію онъ говорилъ немного по Грузински. Я подхватилъ одного изъ состоящихъ при князѣ Грузинскихъ офицеровъ, именно князя Сумбатова, и при его пособіи спрашивалъ этого горца съ величайшимъ любопытствомъ о всѣхъ обстоятельствахъ, окружающихъ жизнь горцевъ. Отвѣты его были въ высшей степени умны и интересны. Изъ нихъ, между прочимъ, видно было, что къ Грузинамъ

собственно горцы относились болѣе дружелюбно и ненавидили всѣми силами только Русскихъ. «Стало быть» сказалъ я «если бы я попался въ плѣнъ, мнѣ было бы плохо»? Когда князь Сумбатовъ перевелъ ему этотъ вопросъ, нашъ новый пріятель быстро подошелъ ко мнѣ и, столь же быстро проведя рукой по моей шеѣ, тѣмъ самымъ молчаливо и выразительно объяснилъ, какъ бы со мною было поступлено.

Всѣ эти приходящія и представляющіяся князю толпы не вдругъ покидали нашъ лагерь; напротивъ, располагаясь гдѣ нибудь по близости его, они проводили тутъ по нѣсколькимъ днямъ и ночей. Случалось такъ, что численность этихъ пришельцевъ далеко превышала численность нашего лагеря. Я не знаю, принимались ли въ этомъ отношеніи съ нашей стороны какія либо предохранительныя мѣры. Если принимались, то какъ нибудь таинственно, потому что никакихъ видимыхъ мѣръ не было, и многіе въ нашемъ лагерьѣ справедливо замѣчали, что если бы эти милые гости вздумали «пошалить», то могли бы надѣлать страшную кутерьму.

Впрочемъ князь былъ храбръ и до-
вѣрчивъ. Близкіе ему люди замѣча-
ли, что при самомъ появленіи его къ
этимъ гостямъ, надо принимать пре-
досторожности, потому что въ этихъ
толпахъ могутъ быть фанатики и
изувѣры; но князь отвергалъ всѣ эти
предосторожности и равнодушно отвѣ-
чалъ: «да вѣдь кругомъ меня мои
адъютанты, казаки! Чего же еще?»

Въ одно время съ представленіемъ
этихъ покоряющихся горцевъ, въ ла-
герь нашъ стали доходить со всѣхъ
сторонъ благопріятныя извѣстія.—
Такъ напр. намъ сдѣлалось извѣст-
нымъ, что Шамиль, во время своего
бѣгства, былъ ограбленъ своими же,
такъ что отбитыя у него книги до-
ставлены были горцами въ нашъ ла-
герь. Къ удивленію въ числѣ этихъ
книгъ оказалось много русскихъ, что
и дало вѣрный поводъ заключить,
что они принадлежали третьему умер-
шему сыну Шамиля, который воспи-
тывался въ нашихъ военныхъ заве-
деніяхъ и потомъ, будучи промѣненъ
на знаменитыхъ плѣнницъ, княгиню
Орбеліани и княгиню Чавчавадзе,
велъ въ горахъ, сколько извѣстно, са-
мую печальную и уединенную жизнь,

не имѣя уже никакой возможности войти въ дикіе нравы и обычаи горцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы узнали, что Шамиль, оставленный и ограбленный своими, успѣлъ таки съ самымъ небольшимъ числомъ преданныхъшихъ ему мюридовъ пробраться на Гунибъ.

Потомъ до насъ дошли свѣдѣнія, что отрядъ барона Врангеля, двигавшійся на соединеніе съ нами, совершилъ какую-то удивительную переправу, кажется чрезъ тотъ же Андійскій Койсу, при содѣйствіи веревочнаго моста, предложеннаго и изобрѣтеннаго даровитымъ офицеромъ Девелемъ. Дѣло въ томъ, какъ мнѣ разказывали, что та единственная переправа, на которую, рассчитывалъ отрядъ, была разрушена или защищена такъ, что ею нельзя было воспользоваться. Другихъ удобныхъ мѣстъ для переправы не было. По этому рѣшено было сдѣлать её тамъ, гдѣ высокіе берега наиболѣе сближаются надъ рѣкою. Первый вопросъ заключался въ томъ, чтобъ передать на другой берегъ конецъ каната. Многіе охотники вызывались на этотъ подвигъ, бросались въ яростную рѣку и гибли; за ни-

ми бросались другіе, и конецъ каната доставленъ таки на другой берегъ и укрѣпленъ; по этому канату какимъ-то образомъ пересланъ другой и также укрѣпленъ. Эти два каната и были основаніемъ воздушнаго моста, по которому изобрѣтательный Девель сталъ передвигать, на страшной высотѣ надъ рѣкою, придуманную имъ корзинку, заключавшую въ себѣ солдата. Когда эта движущаяся корзинка перенесла на тотъ берегъ достаточное число людей, они бросились на горцевъ, защищавшихъ въ другомъ мѣстѣ естественную переправу и очистили ее.

Мнѣ передавали ужасающія сцены, происходившія при этой схваткѣ: это была уже просто бойня людей. Надо замѣтить, что въ составѣ нашихъ войскъ были такъ называемые конно-мусульманскіе полки, образованные изъ жителей только что покоренныхъ ауловъ. По общимъ отзывамъ, это были не люди; а звѣри! О пощадѣ непріятелю они не имѣли понятія.—Эти-то люди и занимались преимущественно истребленіемъ горцевъ, захваченныхъ на переправѣ. Въ виду всего отряда, стоявшаго на

другомъ берегу, они прокалывали насквозь горцевъ своими громадными кинжалами и сталкивали ихъ въ бушующую рѣку. Вообще эта переправа, сколько можно было судить по разнымъ толкамъ, имѣла громадное значеніе въ общемъ ходѣ военныхъ дѣйствій.—Потомъ я помню очень живо, что, въ одно прекрасное утро, князю представили лазутчика, пробравшагося въ нашъ лагерь чрезъ непокоренные еще аулы съ извѣстіемъ о покореніи отрядомъ барона Врангеля Аваріи. Вслѣдъ затѣмъ объ этомъ же покореніи привезъ официальное донесеніе тотъ красивый Граббе, который былъ потомъ убитъ во время Польскаго возмущенія. На основаніи этого извѣстія Шереметеву, бывшему начальникомъ конвоя князя, приказано отправиться курьеромъ къ Государю, а князю Суворову поручено принять конвой, въ слѣдствіе чего, взявъ у одного изъ казаковъ казацкое одѣяніе, онъ тотчасъ облекся въ него и къ удивленію, не смотря на свою красоту, оказался въ немъ очень некрасивымъ, какимъ-то длиннымъ и несуразнымъ. Скоро послѣ того явились въ нашъ лагерь съ Аварцы, огромной массой, тыся-

чи въ двѣ. Встрѣча этого многочисленнаго отряда составила для насъ новый спектакль. Впереди ѣхалъ на прекрасной бѣлой лошади почтенный старикъ, сѣдой, какъ лунь, въ бѣлой чалмѣ, означавшей духовное его достоинство. За нимъ тянулась безконечная вереница всадниковъ. Наслышавшись со всѣхъ сторонъ, что Аварцы самый храбрѣйшій народъ въ мірѣ, я жадно всматривался въ фигуры этихъ всадниковъ и къ удивленію не нашелъ въ нихъ рѣшительно ничего, подтверждающаго ихъ воинственную славу. Невзрачные, большею частію малорослые, одѣтые пестро и бѣдно, они представляли собою массу бѣдныхъ оборвышей, но нисколько не храбрыхъ героев. Соображенія и замѣчанія свои я сообщалъ болѣе опытнымъ и боевымъ людямъ, и они смѣло отвѣчали: «посмотрѣли бы вы, какъ эти оборвыши дерутся! Страсть!»

Аварцы прибыли къ намъ вечеромъ, ночевали близъ лагеря, а на другой день представлялись князю. По обычаю выступилъ впередъ ихъ ораторъ, молодой человѣкъ съ чрезвычайно-умнымъ и кроткимъ лицомъ и говорившій много и одушевленно. Аварцы слуша-

его съ величайшимъ вниманіемъ и почтеніемъ, какъ будто бы онъ говорилъ имъ самимъ, а не отъ ихъ имени князю. Нѣтъ сомнѣнія, что при содѣйствіи нашихъ переводчиковъ, краснорѣчіе этого оратора утрачивало значительную долю того обаянія, которое производило оно на его соплеменниковъ. Едвали не вмѣстѣ съ Аварцами прибылъ въ нашъ лагерь и Аварскій ханъ, нашъ флигель-адъютантъ, свергнутый или удаленный во время владычества Шамиля. Кончилось всё тѣмъ, что этотъ ханъ, молодой и весьма красивый человекъ, возстановленъ во всѣхъ своихъ прежнихъ правахъ.

Вмѣстѣ съ покореніемъ Восточнаго Кавказа стали почти ежедневно являться въ нашъ лагерь Русскіе выходцы изъ горскихъ ауловъ. Они оказывались частію захваченными въ плѣнъ Русскими солдатами, а частію, и даже большею, нашими перебѣжчиками въ аулы; въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ — было особенно много Поляковъ, и на лицахъ ихъ написано было, что возвращеніе ихъ опять къ намъ не приносило имъ радости. Почти всѣ эти выходцы приволокли съ собой пріобрѣ-

тенныхъ въ аулахъ женъ и кучи дѣтей. Они рассказывали, что, по распоряженію Шамиля, Русскіе селились въ аулахъ отдѣльными слободами и пользовались свободой относительно своей вѣры и обычаевъ. Съ началомъ покоренія, аулы стали изгонять ихъ отъ себя, отбирая, разумѣется, все ихъ имущество. И дѣйствительно, люди эти являлись къ намъ въ самомъ ужасномъ видѣ, который и побудилъ насъ тотчасъ образовать особый комитетъ для раздачи имъ пособій. По богатству свитскихъ господъ, изъ которыхъ образованъ былъ этотъ комитетъ, пособія наши были довольно щедры, но въ раздачѣ ихъ мы полагали рѣзкую границу между людьми, попавшимися въ плѣнъ и подлыми перебѣжчиками.

Совершавшееся, такимъ образомъ, покореніе Восточнаго Кавказа, если въ государственномъ отношеніи представляло громадное значеніе, то въ то же время оно наполняло величайшимъ негодованіемъ молодыхъ и храбрыхъ сердца моихъ товарищей, лишая ихъ возможности совершать достославные подвиги, для которыхъ они и шли въ походъ, и получать на-

грады, которыхъ они нетерпѣливо ожидали. Отъ этого происходило, что всѣхъ являющихся съ покорностію горцевъ они называли разными нелестными именами и въ началѣ еще утѣшались надеждами, что тотъ или другой аулъ, извѣстный своею свирѣпостію и независимостію, не покорится, и будетъ драка; но надежды постепенно падали, и въ нашъ лагерь, какъ я сказалъ уже, являлись съ покорностію знаменитѣйшіе въ исторіи Кавказской войны наибы и старшины и заставляли всѣхъ удивляться, что это именно тѣ люди, имена коихъ, связанные со всѣми кровавыми битвами, были славны на всемъ Кавказѣ. Ясно было, что покореніе Восточнаго Кавказа совершится безъ особенныхъ подвиговъ съ нашей стороны и—удивительное дѣло! ясность этого факта породила какое-то печальное настроеніе въ нашемъ лагерьѣ или по крайней мѣрѣ среди нашей свиты.— Походъ, начавшійся такъ весело и блистательно и общавшій украсить славными дѣлами, потерялъ, такъ сказать, своей букетъ. Всѣ видѣли, что славныхъ дѣлъ не будетъ, а слѣдовательно и случаевъ отличиться

различными блистательными подвигами тоже не будетъ.

О томъ, что князь предприметъ дальше, никто не хотѣлъ ни думать, ни говорить, потому что, что бы онъ ни предпринялъ, все таки ничего великолѣпнаго произойти уже не можетъ. Если нѣкоторые и замѣчали, что до тѣхъ поръ, пока не пойманъ или не истребленъ Шамиль, дѣло нельзя еще считать конченнымъ, то большинство было такого мнѣнія, что въ покорившемся краѣ, потерявъ всякое значеніе, онъ уже ничего не можетъ сдѣлать и что не сегодня, такъ завтра свои же затравятъ его, какъ волка. При подобныхъ сужденіяхъ, точно также какъ и при происходившихъ въ началѣ похода сужденіяхъ о способахъ веденія нами войны, я постоянно повторялъ одну и ту же комическую фразу, что Шамиля «надо взять во флангъ» единственно на томъ основаніи, что почти во всѣхъ военныхъ реляціяхъ я непремѣнно читалъ эту фразу и пріобрѣлъ какое-то смутное убѣжденіе, что для того, чтобы сдѣлать отлично военное дѣло, надо непремѣнно «взять во флангъ». Фраза эта, разумѣется, очень смѣ-

шила моихъ товарищей и, какъ въ послѣдствіи оказалось, дошла до князя. Вообще покореніе Восточнаго Кавказа произвело на тотъ міръ, среди котораго я находился, такое же впечатлѣніе, какое производитъ на зрителей окончаніе какого нибудь спектакля...

И дѣйствительно тотчасъ началась самая усиленная эмиграція изъ нашего лагеря, и онъ пустѣлъ ежедневно. Ежедневно мы провожали цѣлыми группами нашихъ пріятелей; остававшіеся начали завидовать имъ и въ свою очередь тоже отпрашиваться. Къ полученію отпусковъ онѣ сильно поощрялись потому, что самъ князь объявилъ, что, рѣшившись пройти по покоренному краю, онъ желаетъ, чтобы свита и принадлежащія ей вьюки уменьшились до крайней степени. Такое вольное и невольное сокращеніе того веселаго міра, среди котораго я такъ весело жилъ, не могло не подѣйствовать и на меня и не поселить во мнѣ размышленій: идти ли впередъ или вернуться назадъ? Какъ только замѣчено было это колебаніе, мои собиравшіеся въ обратный путь пріятели засыпали меня доказательствами, что впереди ничего не будетъ, кромѣ одного безпокойства и скуки.

Слушая эти совѣты и убѣжденія, я думалъ про себя, что было бесполезно для моего значительно-разшатаннаго организма войти въ ближайшее соотношеніе съ Кавказскими минеральными водами и преимущественно съ знаменитымъ Нардзаномъ, о цѣлительной силѣ котораго я слышалъ истинныя чудеса. Конецъ былъ тотъ, что я рѣшился проситься у князя въ Пятигорскъ..... «Да зачѣмъ вы туда поѣдете?» какъ-то неопредѣленно спросилъ князь. «Лечиться, ваше сіятельство» отвѣчалъ я, «у меня печень сильно разстроена» — «Ну да! сочиняйте! Но кто же будетъ докладывать мнѣ гражданскія дѣла?» снова спросилъ князь. — «Булатовъ» отвѣчалъ я. «Онъ много разъ исполнялъ уже подобныя обязанности. Если бы я сознавалъ пользу и необходимость находиться при вашемъ сіятельствѣ, тогда я не осмѣлился бы»... «Ну да! конечно. Поѣзжайте съ Богомъ!» сказалъ князь. Я мгновенно сдалъ мою походную канцелярію Булатову, сгруппировалъ вокругъ себя значительную толпу возвращающихся изъ похода и отправился въ обратный путь, попрежнему, верхомъ съ состоявшими при мнѣ казаками и вереницею вьючныхъ лошадей.

Въ этомъ обратномъ путешествіи я не могу припомнить ничего особенно замѣчательнаго, за исключеніемъ того только, что скоро послѣ моего прибытія въ Ведень, къ несказанному моему удивленію, примчалась туда во весь опоръ, въ сопровожденіи большаго конвоя, прекрасная коляска на лежащихъ рессорахъ, на прекрасной шестеркѣ лошадей. Это былъ Колосовскій, интендантъ Кавказской арміи. Не столько удивительно было, что коляска пронеслась по недавно прорубленнымъ просѣкамъ, сколько то, откуда явилась въ такихъ мѣстахъ эта прекрасная коляска и эти прекрасныя лошади. Изъ объясненій Колосовскаго оказалось, что то и другое принадлежитъ знаменитому Лебедеву, маркитанту и поставщику походныхъ отрядовъ. Дальше, однако, эта изящная коляска слѣдовать не могла и должна была возвратиться въ обратный путь т. е. въ путь подлежащій мнѣ. Я такъ давно не имѣлъ случая ѣхать въ покойномъ экипажѣ, что тотъ часъ пригласилъ могущественнаго Колосовскаго устроить такъ, чтобъ эта коляска приняла въ свои объятія мою персону. Съ великимъ спокойствіемъ и наслаж-

деніемъ я пролетѣлъ верстъ пятнадцать до слѣдующаго пункта и удивлялся еще разъ, смотря на Лебедевскихъ прикащиковъ, обратившихся на этотъ разъ въ великолѣпныхъ кучеровъ, разнороднымъ способностямъ Русскаго человѣка. Къ сожалѣнію все и ограничилось этимъ небольшимъ переѣздомъ. — Въ томъ пунктѣ, куда я пріѣхалъ, была какая-то основная станція Лебедева, и я долженъ былъ тутъ дожидаться своего вьючнаго каравана и затѣмъ слѣдовать оттуда прежнимъ походнымъ порядкомъ.

Когда еще въ отдаленіи предстала моимъ взорамъ крѣпость Грозная, я мысленно возблагодарилъ Бога за благополучное окончаніе самаго замѣчательнаго періода въ моей жизни, въ которомъ хотя не было никакихъ кровавыхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе рѣшительно на каждомъ шагу предстоялъ отличный случай сломать себѣ шею. Въ крѣпости Грозной я остановился у тогоже татарина-офицера, гдѣ мы стояли предъ походомъ и гдѣ оставались наши экипажи и другія вещи, неудобныя для похода. Гостепріимствомъ моего хозяина я долженъ былъ поневолѣ пользоваться

два дни, въ теченіи которыхъ приводился въ порядокъ туземными мастерами мой тарантасъ. На третій день мнѣ привели казацкихъ лошадей, и я раннимъ восхитительнымъ утромъ, осѣняемый лучами только что восходящаго солнца, покатился по ровнымъ степямъ, предо мною открывавшимся. Я помню живо то восхитительное душевное настроеніе, въ которомъ я находился въ минуты выѣзда изъ Грозной. Нѣтъ! дикія горы, при всей ихъ грозной красотѣ, не для Русскаго человѣка! Красота ихъ поразительна, но не привлекательна для него! Ровныя поля, зеленые рощи, широкія спокойныя рѣки—вотъ картины милыя, дорогія, родныя для Русской души! Мои радостныя ощущенія весьма рельефно выразились въ невольномъ увлеченіи моего камердинера. Усѣвшись на козлахъ, онъ сначала покойно ѣхалъ. Потомъ, когда по выѣздѣ изъ Грозной, предъ нами открылись необозримыя равнины, онъ обернулся ко мнѣ, снялъ шапку и, крестясь, сказалъ: «Господи!, какъ изъ аду вырвались!» Я улыбнулся на эту фразу, сохраняя свое достоинство; но въ то же время понималъ и раздѣлялъ всю

глубину того смысла, который въ ней заключался. Несомнѣннымъ казалось то, что мы дѣйствительно откуда-то вырвались! Несмотря на блистательную обстановку, въ которой я находился, въ душѣ неисходно гнѣздилося какое-то томительное чувство, чувство невольнаго ожиданія: «когда же все это кончится!» Понятно, что когда эта исключительная жизнь среди громадныхъ горъ, надъ пропастями, кончилась для насъ съ моимъ камердинеромъ, мы не могли не испытать великаго наслажденія, которое и вырвалось у него въ его безыскусственныхъ словахъ.....

IV.

Здѣсь не мѣсто рассказывать, что я видѣлъ и дѣлалъ на Пятигорскихъ минеральныхъ водахъ. Замѣчу только, что я прибылъ туда въ такое время, когда періодъ собственно-леченія кончился, и всѣ пившіе воды въ самомъ Пятигорскѣ, Ессентукахъ, Желѣзноводскѣ сосредоточивались уже въ Кисловодскѣ, подлѣ знаменитаго «Нардзана», гдѣ, по укоренившимся обычаямъ, всякое леченіе отодвига-

лось на задній планъ и впередъ выступали разнородныя, почти ежедневныя, увеселенія.....

Поглощаемые этими увеселеніями, мы, Кисловодцы, хотя и мало обращали вниманія на то, что дѣлалось внѣ нашего веселаго міра, тѣмъ не менѣе въ этотъ міръ падали постепенно извѣстія о томъ, что князь пошелъ дальше, что подошелъ къ Гунибу и обложилъ эту скалу съ цѣлью принудить Шамиля сдаться. Потомъ, вдругъ пришла къ намъ звучная вѣсть, что Шамиль взятъ и отправленъ уже въ Петербургъ; потомъ другая вѣсть, что князь такого-то числа будетъ имѣть торжественное вшествіе въ Тифлисъ.

....Къ радостному чувству, которымъ исполнялся каждый Кавказецъ отъ этихъ извѣстій, въ моей душѣ примѣшивалось какое-то невольное чувство досады, что меня не было при взятіи Шамиля; но поправить этого уже было невозможно, и потому я рѣшился покрайней мѣрѣ участвовать въ торжественной встрѣчѣ князя. Соображеніе времени его движенія къ Тифлису и моего возвращенія туда показывало мнѣ, что я

могу поспѣть къ торжеству встрѣчи, если какъ говорится «не буду зѣвать.»

Я скакалъ день и ночь, несмотря на протесты станціонныхъ зрителей, доказывавшихъ, что лучше переночевать, «а то какъ бы чего не случилось». Ничего, однако, не случилось, и я едва успѣлъ позднимъ вечеромъ, наканунѣ дня торжественнаго вшествія, ввалиться въ Тифлисъ. По пути я заѣхалъ къ Фадѣевымъ, чтобъ узнать о подробностяхъ встрѣчи и не мало изумилъ ихъ остатками того воинственного характера, который былъ наложенъ на мою фигуру вліяніемъ походной жизни. На другое утро, обратившись въ прежняго гражданскаго дѣятеля, въ моей Петербургской каретѣ, на славной парѣ моихъ разжирѣвшихъ вороныхъ коней, я полетѣлъ на мѣсто торжества, прорѣзывая густыя массы народа, туда же со всѣхъ концовъ города стремившагося.

На концѣ той части города, которая называется «Авлабаромъ» устроена была громадная триумфальная арка, украшенная многими гербами и флагами. Арка эта, само собою ра-

зумѣется, была временная; но потомъ городъ ходатайствовавалъ, чтобы для увѣковѣченія покоренія Кавказа, дозволено было устроить на этомъ мѣстѣ каменную, капитальную арку, и ходатайство это утверждено. По сторонамъ этой арки устроены были галереи для дамъ и почетнѣйшихъ зрителей. Впрочемъ я отказываюсь отъ подробности описанія всѣхъ устройствъ, сдѣланныхъ для этого дня. Достаточно сказать, что по особымъ церемоніаламъ, расписаніямъ и распредѣленіямъ разставлены были, на особыхъ мѣстахъ, гражданскія и военныя власти, дворянство, представители городскихъ властей, ашкары со своими значками и зурнами и проч. и пр. Въ каждомъ отдѣлѣ находился избранный ораторъ, который и держалъ въ рукахъ свою рѣчь, напечатанную на пергаментѣ, для того, чтобы, послѣ произнесенія, можно было поднести ее князю.

День былъ великолѣпный; народу видимо не видно. Я уже не говорю о томъ, что всѣ улицы, по которымъ предстояло проѣзжать князю, залиты были народными толпами, ни о томъ, что громадныя толпы ожидали его за городомъ; — всѣ крыши домовъ, по

грузинскимъ обычаямъ, представляли сплошныя массы народа, что составляетъ въ Тифлисѣ прекрасное и едва-ли гдѣ нибудь въ другихъ мѣстахъ Русскаго царства возможное зрѣлище. Само собою разумѣется, что весь городъ убранъ былъ праздничнымъ, торжественнымъ образомъ; дома были украшены флагами, коврами и различными картинами, приготовленными для вечерней иллюминаціи. Наконецъ раздались барабаны, музыка.... шествіе князя показалось вдали.

Нѣтъ сомнѣнія, что не многимъ, особенно въ наше время, доставались въ жизни такія высокія минуты, какія князь переживалъ въ настоящемъ случаѣ. Встрѣча его Тифлисомъ осуществляла тѣ встрѣчи древнихъ триумфаторовъ, о которыхъ мы читаемъ въ историческихъ сочиненіяхъ. Великолѣпный по своей прекрасной наружности, князь ѣхалъ шагомъ на великолѣпнѣйшемъ конѣ, впереди необъятной свиты, которая, безъ преувеличенія можно сказать, представляла страшную смѣсь племенъ, одеждъ, лицъ, нарѣчій. Тутъ были выложенные адъютанты, остававшіеся въ Тифлисѣ и загорѣлые адъютанты, которые имѣли счатіе быть подъ Гунибомъ.

Тутъ были генералъ-адъютанты и рядомъ съ ними татарскія фигуры, принадлежащія различнымъ ханамъ, князьямъ и бекамъ. Представители Гуріи, Мингреліи, Имеретіи, Абхазіи разнообразили картину и дѣлали ее волшебною въ родѣ тѣхъ, которыя мы видимъ на Большомъ театрѣ. . . . Всѣ взоры устремлены были на князя.

Въ этотъ моментъ князь былъ невыразимо-прекрасенъ. Ничего важнаго, торжественнаго, напыщеннаго не было и тѣни во всей его фигурѣ. Напротивъ, никогда она не отличалась такою плѣнительною простотою. Улыбка, чуждая всякой искусственности, всякаго превосходства, блуждала на его лицѣ. Однимъ словомъ, нельзя было и вообразить, чтобы кто нибудь могъ быть лучше, и главное, простѣе, какъ-то милѣе его въ эту торжественную минуту. Можно было ручаться, что вмѣстѣ съ взорами къ нему стремятся и всѣ сердца....

Группа маленькихъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ бѣлое, усыпали путь его цвѣтами. Операция эта представлялась не очень легкою и для взрослыхъ; дѣти же бросали цвѣты какъ попало и куда попало, и отъ того она производилась хотя не очень стройно, но за то очень

милѡ; многія цвѣты попадали князю въ лицо, на что онъ отвѣчалъ своей очаровательной улыбкой; конь его, напротивъ, далеко нетакъ любезно принималъ эти привѣтствія: орошаемый безпрерывно и со всѣхъ сторонъ цвѣтами, онъ, въ изумленіи, метался изъ стороны въ сторону и сверкалъ сердито своими огненными глазами, широко раздувая свои ноздри; но князь, знаменитѣйшій изъ ѣздоковъ, не обращалъ на его гнѣвные порывы ни малѣйшаго вниманія.

Когда князь приблизился къ находящейся предъ триумфальной аркой площадкѣ, устланной коврами, гдѣ ожидали его разныя власти и разные ораторы, онъ сошелъ съ коня. . Въ мгновеніе ока, площадка эта, несмотря на различныя полицейскія запрещенія и предупрежденія, окружена была непроницаемою стѣною народа. На различные спичи, продолжавшіеся довольно долго, князь отвѣчалъ не многими словами и потомъ, сѣвъ на коня, отправился въ Сіонскій соборъ, гдѣ ожидало его духовенство.

До въѣзда князя въ городъ все таки соблюдался хотя какой нибудь порядокъ въ народныхъ толпахъ; но когда князь проѣхалъ, то эти толпы, какъ

волнами, затопили рѣшительно всю улицу, ведущую отъ въѣзда къ Сіонскому собору. Здѣсь уже никакое значеніе, никакой мундиръ, какъ бы богато онъ ни былъ разшитъ золотомъ, не производили эффекта, и каждому представилось дѣйствовать по мѣрѣ своего искусства и своей ловкости. На мою бѣду ко мнѣ съ обѣихъ сторонъ прицѣпились какія-то двѣ барыни Тифлискаго большаго свѣта, такъ что я вынужденъ былъ сосредоточить на нихъ всё мое вниманіе и отказаться отъ желанія слѣдовать шагъ за шагомъ за церемоніей. Послѣдствіемъ этихъ любезностей было то, что мы не попали, да уже не хотѣли попастьъ, въ Сіонскій соборъ, зная, до какой ужасающей степени онъ набитъ въ эту минуту и рѣшились прямо пробиваться во дворецъ намѣстника, гдѣ, въ заключеніе, все сосредоточилось.

Едва только я вступилъ со своими дамами въ залу, тоже наполненную до нельзя, какъ князь, замѣтивъ меня, подошелъ ко мнѣ и улыбаясь сказалъ: «Извините, Василій Антоновичъ, вы все совѣтовали взять Шамиля во флангъ: мы взяли его прямо!»

Князь былъ счастливъ и радостенъ....

Эти отрывки были напечатаны въ Русскомъ Архивѣ 1868 г. съ слѣдующею замѣткою:

Печатаая эту главу изъ Записокъ В. А. Инсарскаго, мы должны предупредить читателей Русскаго Архива, что глава эта представляетъ собою только выдержки изъ подлинной рукописной тетради. Нѣтъ, кажется, надобности распространяться о причинахъ такого, не произвольнаго съ нашей стороны, сокращенія: то что совершалось всего девять лѣтъ тому назадъ, еще не можетъ быть полнымъ достояніемъ исторіи, и предавать гласности рассказы о такихъ близкихъ эпохахъ можно лишь, такъ сказать, съ дозволенія современной минуты.

И. Б.

2007098034